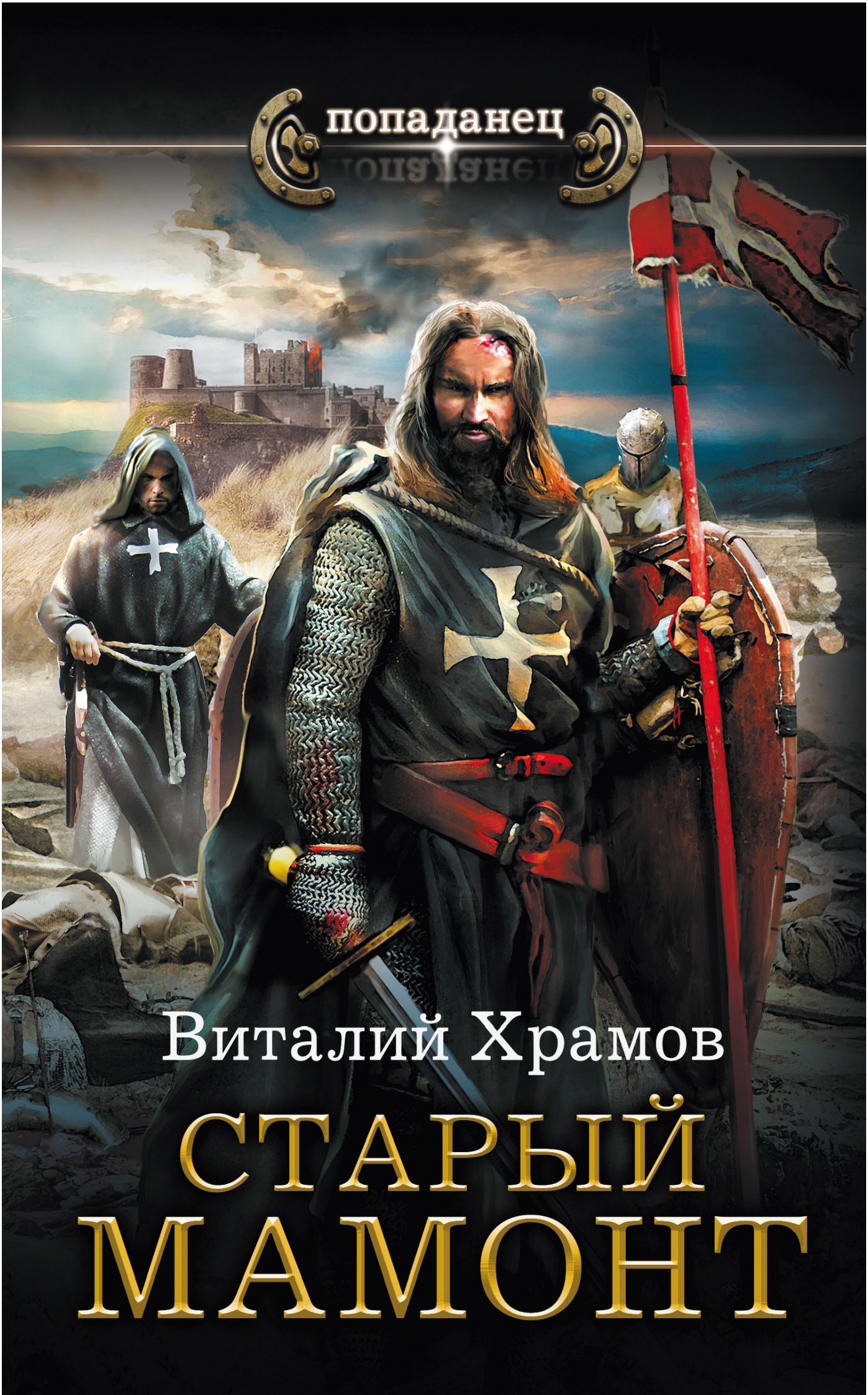
попаданец
Виталий Храмов
СТАРЫЙ
МАМОНТ

Попаданец (АСТ)

Виталий Храмов

Катарсис. Старый Мамонт

«АСТ»
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Храмов В. И.

Катарсис. Старый Мамонт / В. И. Храмов — «АСТ», 2018 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-106600-0

Старый Мамонт, он же – Белая Башня, он же – Северянин, он же – Разрушитель… Не для того затащил его таинственный игрок на Большую Игру, чтобы тупо следовать всяким пророчествам. Старик со своей командой – кузнецом Молотом, зверолюдом Корком, человекопсом Рексом, Наследником, магом Тьмы Марком – пройдет через Чистильщиков, Бродяг, Пауков, Черное Братство, не запятнавшись Скверной, и расставит фигуры на доске по-своему… Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106600-0

© Храмов В. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 16
Глава 4 18
Глава 5 20
Глава 6 24
Глава 7 27
Глава 8 32
Глава 9 38
Глава 10 40
Глава 11 43
Глава 12 47
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Виталий Храмов
Старый Мамонт

Серия «Попаданец»
Выпуск 35

© Виталий Храмов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая
Мерцание

Глава 1

– Ну, дети мои, что делать будем? Деньги-то – тю-тю! – спрашиваю я, испепеляя гневным взглядом этих прожорливых тварей, особенно одну, что мало того, что перестала меня греть ночами и сожительствует теперь со своим звере-собратом, известным как Атос… Черт, пора менять «легенду». Так вот, эта ветреная, непостоянная тварь теперь отказывается жрать других тварей. Ей подавай – мяса. И желательно – не сырого. А вареного. В виде мясного рагу. Пустую кашу тварь не жрёт. И охотиться не желает. Ах, ну да! Я же и запретил. Реально дешевле её кормить покупным мясом, чем выплачивать штрафы егерям. Тут бесхозной дичи нет. На всех – номера госрегистрации и маячки ГЛОНАСС. А местные скверны какие-то бедные на съедобных тварей.

– Надо денег добыть, – вносит предложение Молот, он же – Портос, он же – Капитан Очевидность.

Не, не буду пока менять «легенду». Не успели мы засветиться особо. Эти имена знают только Охотники. Не самые болтливые парни. Тем более что после резни Чёрного Оплота не видать их и не слыхать.

И этот – туда же. Пятый с важным видом кивает.

– Спасибо, Капитан Очевидность! – Не удержался я. – А по делу?

Молот всё больше соответствует Портосу и всё больше догоняет Атоса в габаритах. «Сдутого» Атоса. Его боевую модификацию Халка – не догнать никому. Это противоестественно. Даже стероидные фанатики на Земле не набирают таких форм. И Арамис вытянулся. Оказалось, что их миниатюризация – не генетика, а тупо – хроническое недоедание. Особенно разительно заметно по Арамису – вытянулся, как побег бамбука! Как раз в таких случаях и говорят – растёт не по дням, а по часам!

Да, Арамис… Он же – Пятый. Последнее золото ушло на взятку, чтобы Пятого не сожгли. И меня – тоже.

Козёл драный! Щенок! Каналья! Убил Клирика! Прямо в храме. Пошли упокаивать моего сожителя – Духа, Клирик стал выёживаться. Заподозрил в нас Тьму. Тупой святоша! Метку Повелителя Скелетов, которая к нам прилипла, когда мы Повелителя убили, – от скверны не смог отличить. Кричать стал. Я и моргнуть не успел, как Пятый ему рот заткнул. Метательным топором. А меня заткнул – простым и понятным словом, сказанным по-русски:

– Сука!

Истинно велик и могуч русский язык! Просто – волшебен. Развязывает сомкнутый рот даже немым, старый добрый мат пробивает психологические стрессовые заторы, что мешали парню говорить. Но оказалось, что я слишком часто матерюсь. Без излишних переводов для местных. Это – не переводится. У дешифратора – цензура прошита в BIOS.

Пока я зависал от того, что немой Пятый заговорил, набежала стража. Заперли нас в кутузку. С бомжами какими-то. А потом пришёл начальник райотдела милиции. Ассоциация с райотделом не подвела – пришёл с весьма простым предложением. Простым и понятным. Миры – разные, люди – одинаковые.

И утром мы наблюдали собственную казнь не со сцены, а со зрительских трибун. Вместо нас казнили как раз тех бомжей. Но мне не до общечеловеческих ценностей, «слезы ребёнка», и прочей отвлечённой шелухи, когда своя шкура – уютнее.

Им, казнённым, не повезло – у них не оказалось золота. А у нас – оказалось. Нашлось. Случайно. Как знал, как знал! Золото – такая штука, многое упрощает. Бывает, что осложняет, но тут – упростило.

Ясно, что с того милого городка пришлось бежать. Налегке. Без золота бежалось легче.

А вот жить без золота – совсем сложно. Жить. Выживать. И что-то не попались нам больше твари с золотыми кругляшками в поясных тайниках. И вот мы сидим за столом таверны города, где живёт целый князь с рогатым гербом, горестно гоняем медяки по столу. Не то, что на номер – на ужин не хватает.

Как мы попали в этот город? По шерсти шли. К городу идёшь – всем пох… от города – какие-то мужики в форменных накидках, как у ППС, пристают, угрожают, дезертирами обзывают. Странные.

Хотя, говорят, тут – война. Местный князь, сохатый, забурел и на Императора батон крошит. Говорят, есть причина. Наследник престола вроде на хрен, что ли, этому оленю-князю наступил? Обидел князя, в общем. Странные люди. Ну, раздавил он тебе достоинство, что теперь – сепаратистом становиться? Лавры Стеньки Разина снятся? Чеченец недорезанный. Дудаев местный. А мы тут встревай из-за ущемлённых амбиций!

– Ну, и что так загадочно молчим? Где деньги, Зин? – спрашиваю я с самым суровым видом. И качаю головой. Потому что они – оглядываются. Зину ищут. Тяжело мне с ними. Только и умеют, что топорами махать. Вот!

– Пошли искать Дом наёмников, – говорю я, ссыпая медяки в тощий кошель.

Идём. Пятый тащит за поводья нашу лошадь с нашей телегой. Да-да – ещё одна огромная дыра в бюджете. Фураж ей ещё покупай! Как-то сложно в этом мире с подножным кормом, травкой и ягелем. А всё – лень. Моя. Тяжело мне, видите ли, таскать броню и скарб на загривке!

Опять матерюсь, забывшись, при детях. А они – на ус мотают. Ну, Арамису ещё некуда мотать, а вот Молот мотает. Полез у него пушок на губы. А вот у Атоса волосы растут только на голове. Расовая особенность. Даже там, где всегда спрятано, от стыда, – нет волос. В бане видел. И тело голое, как у змеи. Ни шерстинки. Зато на голове – богато! Как у девицы хорошей. Ещё и ленточки в косы вплетает. Не смеюсь – реально. Много мелких косичек, как негры делают, только – с ленточками. Сколько врагов убил – столько нитей должно быть. А у него не нитки – ленты. Просто он Бродяг – за людей считает.

Я – не считаю. Это первый раз Бродяги у меня жуть вызвали. Теперь – что хворост порубить. Считаю их штуками, а не как Корк – по головам.

Ну, судьба у нас такая. Иные караванщики месяцами ходят без происшествий. А нам, как наймёмся – то Бродяги, то твари, то гоп-стоп. Купцы быстро приложили палец к носу, сложили два к двум – одни теперь мы ходим от города к городу. Купцы не нанимают нас, считают – у нас карма плохая. И – не возразишь. Мы – везучие. Бесплатно Бродяг мутузим. Как не стало караванов – гоп-стоп лихих людей и твари к нам интерес перестали проявлять. А Бродяги – тянутся. И были бы, как в Пограничье, – хорошо бы, но сплошь голодранцы. Просто кости. Даже железочки захудалой не сдашь кузнецу за заточку топоров, чтоб расплатиться взаимозачётом. Самим приходится править и точить.

Дом гильдии – пустой. Пустые столы. Только девица-красавица скучает за стойкой ресепшена. Нет, уже не скучает, кричит нам фразой из классика, что с котами – нельзя. Отправили Кису к Арамису, что стережёт нажитое непосильным мордобоем. И Портос пошёл. Потому как Киса и лошадь – это бурная химическая реакция. Не сочетаются они.

Интересуюсь – почёму такая красавица нервная? Не потому ли, что зал гильдии – пуст? Сиротливые пустые столы, простаивающая кухня, прокисающее вино. И только одно предложение о найме на большой чёрной доске – князь Дома Лося нанимает воинов.

Да-да, научился я читать. Потому как – надоело деревенщиной ходить. Выучил я правила сложения и вычитания их иероглифов. Сопоставились в моей голове начертанное пером и произнесённое топором. Тут им письменность явно китаец «изобретал». Вот, зуб даю! А если серьёзно, то не иероглифы это, а «черты». Наши историки такой период нашей, земной, истории называют «клинопись».

А есть в мире ещё – «руны». Но руны – это тайный язык магов. Потому как запитанные Силой руны – заклинания. И имеют вполне реальную возможность изменять, как там Дух говорит, а-а, «материально-энергетическую структуру мира»? Да, так выражается этот нахлебник. Подселился – не прогонишь.

«Я, между прочим, работаю», – вякает Дух.

«А я, гля, баклуши бью!» – злюсь я.

Девица томно вздыхает, не надо, прошу, а то я – обет нарушу! И так сдерживаюсь уже на самом краю капитуляции перед твоими ресницами! Естественно, говорю это вслух. Вот! Похоже, будет сегодня сеновал и большая, чистая любовь. Нет, не будет. Когда к ней наклоняюсь, пропадают всякие стремления низменности в неведомые выси, просто и прозаически – воняет.

Вот такой я – брезгливый. Частоплотный чистоплюй. Да, это – ещё одна дыра в бюджете. Мойни. Купальни, бани. Горячая вода, одним словом. А это – дорого! Даже раз в неделю – разорение!

Прошу позвать того, с кем я могу поговорить об этом найме. Других предложений нет. Этот олень, князь Лось применил административный ресурс и парализовал работу гильдий Наёмников и Охотников. Ну, Охотники не особо и заметили – они «ушли в тень», а вот Наёмникам иной работы, кроме как война, не осталось. Во всём северо-востоке. Вернее, во всём Северо-Восточном Союзе Чести. Так мятежники себя назвали. Интересно, Император их так же называет или как майданутые – «сепаратистами АТО»? Хотя – не интересно. Пусть вешают какие угодно ярлыки. Нам – деньги нужны.

Можно, конечно, пойти в Банк, мы как раз проходили мимо их помпезного здания, но чутьё мне подсказывает, что не стоит. Она, чуйка, боится геморроя. На себя, чуйку.

Черт, угораздило же нас вести этого долбаного купца в воюющую страну! Чтоб ты разорился! И тебя с этого Лосиного Острова тоже не выпустили! Позарился на дарёного коня – старую клячу и ветхую телегу.

– А регистрироваться вы будете? – кричит в спину регистраторша.

– А смысл?

– Наёмники гильдии стоят дороже. Страховка опять же. Скидка при найме жилья, что принадлежит гильдии. Не только в этом городе, а в любом Крыле гильдии. Скидка на обеды в нашей кухне. А если регистрируетесь как рота, то расценки идут – отрядные, а не личные.

– И сколько нам это будет стоить?

– С тех, кто регистрируется сейчас, – девушка показала на пустую почти доску, – ничего. Всё взял на себя Дом Лося. А обычно – два медных с личника, серебро с роты и десятая доля заработка постоянно.

– По-божески, – киваю я, разворачиваюсь и иду к ней, – что от нас требуется? Анкета?

– Что? Нет. Вы ответите мне на вопросы, я заполню вот эту карточку – и всё.

– Ну, давай. Спрашивай, – улыбаюсь я. Не анкета. Картотека.

– Какое название у вашего отряда? Численный состав?

– Вот, блин! У нас нет названия! Нас – пятеро. А наш боевой зверь – считается?

– Нет, не считается, но это не важно. До десятка, до сотни, или – тысяча. Тысяча уже имеет право на свой флаг и называться – полк. И расценки идут иные. А четыре или пять – не важно. Нужно название. И клятва. Клириками утверждённая. Или Магом крови. Но Магов крови в городе нет. Тогда ваша стоимость сразу возрастает на треть.

– И сколько будет?

– Если лично, с оружием заказчика – двадцать медяков в месяц. Со своим – серебрушка. Конно – десять. Маг – уже золотые расценки. Вы – не маги? Жаль, что – нет. Рота. У вас – до десятка, со своим оружием – вы тоже от десяти серебра. Не рота – по отдельности…

Она морщила лоб и считала, сколько будет один умножить на четыре. Вот, лицо озарилось:

– Пять!

Всё же она посчитала Кису за Наёмника. Бывает.

– Мы пойдём, роту оформим, название придумаем, хорошо? – говорю с ней, как с ребёнком, всё же сильное впечатление на меня произвели её успехи в арифметике. Выхожу, вполголоса рассказываю своим «родственникам» этот анекдот. Тоже лбы морщат. Украдкой от меня пальцы загибают. Такое же озарение на лицах.

– Четыре! – они «поняли» соль юмора.

– Нет, она Кису – посчитала, – мне стало грустно.

Придётся учить их считать. А я-то думаю, что они живут так щедро? А они просто считать деньги не умеют! И – читать. Ещё одно ярмо на шею. И читать придётся научить. А мы всё как-то – спарринги да спарринги – в любую свободную минуту, да способы оказания первой доврачебной помощи – изучаем. А надо их бы в школу загнать. Хотя бы в начальную.

Вздыхаю, школа в этом мире – роскошь. Умеющий читать и знающий хотя бы начальный счёт, как эта девица – уже, наверное, спецы, белые воротнички. Могут работать офисным планктоном. Вон, девушка стоит же за стойкой, а не полы или сковородки драит. Ладно, сам научу. Блин, неужели это так сложно? Да и умеют они. Хоть на пальцах, но умеют. Работам, одним словом.

Да и девушка – не безграмотная. Считать умеет. Это я юморил ради юмора. Она же сказала – «треть», значит, дроби понимает. Просто долго считала всякие «проценты». Да и шутка – не удалась. Хотя удалась – ребята чувствуют себя уязвлёнными. Легче будет их за парты усаживать.

– Так, проехали, – говорю, – давайте быстренько придумаем название. Надо что-то неприметное, не помпезное, но отражающее суть.

Опять – беда! Ну, не будем же мы «Д'Артаньян и три мушкетёра»? Или их вариант – «Сильные руки»? Ага, крепкие затылки! Великолепная пятёрка! Вообще класс! Вестерном запахло. А, это лошадка наша виновата. Четыре танкиста и собака! Придумал! Я – пан Янек, гля!

Быстренько! Уже полчаса ругаемся на пустой желудок. А нам ещё – Клирика-нотариуса искать!

– Черт, – в сердцах кричу, – жрать хочу! Я иду искать Клирика, если не придумаете к моему возвращению название, назову команду – «Яблоко»!

А что? Стив Жобс так и сделал. Надгрызанное яблоко судьбы получилось. Какой-то попаданец с планшетом оказался в нашем далёком прошлом, в Древней Руси, отсюда – сказка про блюдечко с голубой каёмочкой, яблочко катается – сказки показывает. А моё «блюдечко» злой дядька отобрал. Божественный гопник.

Нашёл здание храма – благо, не трудно – ищи центр города, иди на шпиль с треугольником. Сложнее было договориться. Составление и освящение клятвы имело определённую стоимость, а у меня – денег нет. Но зато есть большой опыт бизнеса по-русски. Бартер и взаимозачёт.

Тогда, в девяносто восьмом и девяносто девятом, денег вдруг не стало. Сказали – кризис. Но мы же не американцы, чтобы бизнес закрывать по такому мелочному поводу. Работали дальше. Ты – мне, я – тебе. Благо – все друг друга знают как облупленных – изучили друг друга ещё в лихие годины, когда киллеры толпами бегали. Выжившие были как одна большая семья – всё обо всех знают и, так же как в хреновой семье, друг друга любят до скрежета зубного. Но в тот раз как-то общаком решили, что или все дружно выгребаем, или все дружно валим в туман небытия. Скооперировались. Взаимозачёты. Все всем должны. Кругооборот обязательств в природе. Оглянуться не успели за этой суетой – и кризиса нет.

Ну, у нас, у бывших советских, жить без денег – в крови. Не привыкать. Не успели мы перейти психически с меновой торговли на денежные отношения. У нас ещё сохранилось кое-что, что не продаётся. Что дороже денег. Честь, слово, например.

Как там прекраснодушные мечтатели-утописты на заре социализма мечтали, что денег вообще не станет? И такое может статься. Только вот беда – все их мечты имеют один изъян: требуют человека, что будет жить по совести. А вот это уже нереально. Чтобы все, все поголовно жили равно по совести? Все равны? Всегда найдётся кто-то, кто будет жить ровнее. Как там, про слабое звено? Не зря пелась песня, что все совки связаны одной цепью. Так и было. Но слабые звенья – цепь разомкнули.

Говорили – свободу мы получили. А по мне – рабство мы получили. Денежные кандалы. Невидимые, но очень прочные и тяжёлые. Получили мы свободу от совести, от чести, достоинства. От безопасности, спокойствия, благополучия. Свободу от будущего. Только в двадцать первом веке начали стягивать «цепи» обратно. И то… А-а-а, какая мне теперь разница?!

Возвращаюсь к моим, хм, баранам, что так и топчутся у Гильдии Наёмников.

– Пошли, – говорю. – Да, название придумали?

– Нет. Но яблоком быть не хотим. Дед, а как называется вот это? – Молот мне показывает на почти Y-образную щель на наших шлемах.

– Игрек, – отвечаю я. – Так и назовёмся – Игреки?

– Мне нравится, – басит Атос-Корк.

– И мне, – говорит Портос-Молот.

Арамис-Пятый – кивает. Кису – можно не спрашивать. Она, как тот Му-Му Герасима – на всё согласная.

– А сколько у нас шпаг – четыре… – вырвалось ассоциативное. Переглядываются, но уже привыкли к моим «чудинкам».

Клятва – простая, как законы робототехники – не причинять друг другу зла ни действием, ни противодействием, ни словом, ни делом, ни помыслом. Что-то такое. Почему мне фиолетово? Потому как не верю я никаким клятвам. Верю другим способам достижения лояльности, верности и сложения коллективов в единые команды. Клятва эта для меня – официоз, необходимая бумажка, не более.

Ножи, кровь на пергамент, печать засияла, всё, клятва – работает.

– А теперь – танцуем! – пою я. – Сегодня мы с тобой – танцуем. И забываем обо всём!

Нет, не танцуем. Дрова рубим. Огромную гору кругляков колем на поленья, складываем штабель дров – стеной поленьев. Клирик жалуется, что «эта война с ересью в Порубежье» оставила его без прислуги – послушников, а «эта глупая война за глупую девку» – без прихожан. Рубим, как заведённые. Дотемна. Но святой отец (впервые вижу святошу, которого так и тянет именно так назвать) нас накормил, пусть и довольно просто, но обильно – каша, квашеная капуста (или что-то очень похожее), хлеб, что-то типа белого кваса или легкой браги. Да ещё и на ночёвку разместил.

И ещё часа два забавлялись мы с ним теологическими спорами – сколько надо схлопотать скверны, чтобы осквернриться? Этот святоша увидел наши метки, но верно их распознал. Сказал, что ещё пара недель – сойдёт само. И Духа во мне учуял. Сетовал, что не дал ему Триединый столько Силы, а то помог бы изгнать. На вопрос – почему не тащит меня на костёр, ведь во мне сущность сидит, отвечает, что Тьмы и скверны во мне не видит, значит, сущность не зловредная. Тоже рассосётся?

А вот эта наработка Чеса, или как там его на самом деле звали, показала себя отлично. Я про уравновешивание магических излучений – не придумал ещё название. Священник не увидел во мне ни родственного Света, ни вообще никаких магических проявлений. Стелс! Придумал! Не, не годится. Как-то по-собачьи. Пусть будет Скрыт. По-нашенски.

А метка? Дух говорит, что метка эта – другое. Чуждое. Её нельзя закрывать. Иначе начнётся отравление скверной.

Утром идём наниматься. Занимался нами солидный мужик, видно, что опытный вояка и чинный вельможа, с шикарными седыми бакенбардами.

– Что значит «Игреки»? – спрашивает.

– Ничего, – пожимаю плечами, – имя это моё.

Нас оценили. Взвесили и посчитали. В зачет пошло всё – клятва, сформированная команда, неожиданно – он о нас слышал от купцов, получается – этакая рекомендация, своё вооружение, наличие обоза, амулеты защиты, которые казённый Маг тут же и зарядил. Положили нам аж шестнадцать серебрушек в месяц. Прикиньте!

И отправили на плац – учиться. Как в той песне – «Ты в армии теперь!» Опять!

Глава 2

– Чтоб я ещё раз нанялся! – бурчал я, обливаясь потом. – Будь проклят день, когда я сел за баранку этого пылесоса!

Стоящие передо мной в ряд бойцы моей роты посмеиваются. Стоим в полной выкладке на солнцепёке уже несколько часов. Это называется – осада.

Неделю продолжался процесс «формирования и боевого слаживания». Потом полторы сотни новобранцев, и нас в том числе, погнали на фронт. И влили в войско. Тут у них – морской бой. Принц Белый Хвост осаживает несколько крепостей на территории Лося, а полководцы князя решили сделать блицкриг – собрали наёмный сброд, подгребли шваль со всех городов и посёлков (как раз в эту армию мы и угодили) и вторглись на соседние земли, надеясь отвлечь белохвостого наследника.

Вторжение наше шло гладко и без сопротивления – некому сопротивляться в пустыне. Гладко всё было ровно до первой же крепости. Внешние валы и стены взяли в первый же день. И вот уже третий день просто стоим под стенами, обливаясь потом.

Осадная техника строится «стройбатом» очень трудно и медленно. Может, их командира научить малому петровскому загибу? Помогает, на практике доказано. А пока – стоим. Ждём вылазки. А защитники – сидят на стенах. Ждут штурма.

Так и ждём друг друга. Под палящим светилом. Так вот и стоим, потеем. В полной броне стоим – стрелы иногда долетают.

Мы, Игреки – латники – как белые вороны среди остального войска. Потому как тут повторяется история с вооружением Медвила – стёганки-фуфайки, кожаная защита, щиты, шлемы, редко – кольчуга. А мы в латах поверх кольчуг. Нас долго не знали, куда же пристроить. По вооружению мы – золотые всадники (рыцари), но – пешком. И – простолюдины. Мы денёк попарились у шатра полковника, потом благородные подняли бучу этим ущемлением их достоинства – у шатра должны стоять отпрыски благородных кровей, с медалями с выставок, с утверждённой генеалогией, подтвержающей породистость. И нас, дворняжек беспородных, сослали в прочую пехоту.

Теперь стоим левофланговыми. По росту. Первый – Арамис. Велит. За ним – Портос. Принципий. Потом – Атос. Триарий. Я – последний. Что там у римлян было четвертым порядком? Ничего? Преторианцы – это другое. Да и первыми у них были не велиты, только я не помню – кто. Это я от безделья ерундой маюсь, вспоминаю всякое несущественное.

Ура! Лестницы волокут. Хоть какое-то развлечение. Нет, лезть на них никакого желания. А вот посмотреть на этих обезьян – прикольно.

Осаживаю Портоса. Обрадовался он. Герой, гля! Драться собрался! Глаза разуй! Я уже и так вижу, в горизонтальном положении, что обсчитался стройбат, инженерные наши войска. Лестницы совпадают со стенами высотой. Вы их как, под прямым углом поставите? Ну-ну. Похоже, сегодня города нам не взять. Хотя и дали команду: «Вперёд!» Вперёд, так – вперёд! Он сказал «Поехали!» и махнул рукой.

Что, не хватило длины? Или – высоты? А куда вы лезли тогда? Под стрелы и кипяток? Стоим под стенами, как стадо баранов, накрывшись щитами.

– Айда за мной, – говорю, – раненых подбирать.

Игреки – идут. Залезаем на вал, щиты – на спину, раненого на руки, как девушку. Пятый не может поднять никого. Ребёнок ещё. Ага, в бой да за стол – как взрослый. И матерится – как взрослый.

– Прикрывай! – кричу ему.

Сотник командует отход. Отходят. Спиной вперёд, кто-то спотыкается, падает, толкает соседа, через упавшего – ещё падают. Куча мала. Строй сотни нашей – рассыпался. Под смех и стрелы защитников стен. Сотник орёт, как резаный. Отдаём раненых, идём обратно.

Подбираем, зажимаем раны, пальцами передавливаем перебитые сосуды, привязываем перебитые, сломанные конечности к древкам стрел, рукоятям топоров, кускам древка копий. Несём, передаём, чтобы им там, в тылу, оказывали помощь дальше. И так – дотемна. Не потому, что темно стало, – живых под стенами не осталось.

Сотникам и десятникам удалось восстановить строй. Опять началось «стоялово». Только мы челночили от стен до рядов под флагами с оленем, что на лося совсем не был похож. Так – лошадь рогатая. Ну, не Рафаэлло рисовал. Погоди, это же – конфеты! Микеланджело? Так это – черепаха-мутант. Блин, совсем я запутался! А Репин – это художник или писатель? Или вообще – музыкант? Тоже не помню.

По нам, кстати, защитники не стреляли уже через час наших регулярных чартерных рейсов, лишь кричали со стен, спрашивая – добить вон того крикуна или мы его утащим? Примелькались мы им. Мы – приметные. БМП двуногие. Стрел жалко им было. Потому как агрессию к защитникам стен мы не выказывали, оружие в руках не держали, стрелы просто отскакивали или соскальзывали с защиты наших амулетов, щитов и брони.

Я понимаю, какую ошибку я сделал. Главную. Ты в армии можешь сделать всё что угодно, кроме прямого нарушения приказа и нарушения субординации. А хуже этого – показать себя лучше других, ёжика на «Вы» назвать. Много хуже. Ибо это разрушает армию сильнее бомбёжки. Разрушение основы армии – авторитет командования, иерархию подчинения, субординацию. Мы не нарушили приказы. Мы – выежнулись. Высунулись из общей массы. Разом опустив ЧСД[1] всех. И Наёмников, и – Благородных. Они стояли, а мы под стрелами шлялись, как по бульвару. Нагло и безнаказанно. Когда остальные боялись и умирали, мы смело ходили в полный рост, да ещё и спасали других, что ещё сильнее уязвляло. И это – поверх недавней раны, нанесённой нашим видом, нашей экипировкой. Тут рыцари – в кольчугах, коже и стёганках, а какие-то «мужики» – в латах. И это они ещё не знают, что латы – рубиновые! Порвали бы всем войском на сувениры, как туристы Берлинскую стену.

И вечером – был разбор полётов. Нас разоружили, завели под конвоем в тот самый шатёр, что мы давеча стерегли, как швейцары. Орал на нас (ну, как на нас? – на меня) тот самый мужик с бакенбардами. Прооравшись, велел заниматься тем же безобразием и впредь. Правильно, не можешь предотвратить бардак – возглавь его. Санкционируй. Дай высокое указание.

А мне всё не в урок. Продолжаю наглеть. Перебиваю – прошу красной или белой краски. У военачальника аж бакенбарды кровью налились. Закрыли нас до утра в яме, срочно вырытой. Под нас рыли несколько часов. Пока мы раненых таскали. Лучше бы эти полтора землекопа помогли раненых выносить.

Утром – выпустили, отдали оружие, выдали краску. Черную почему-то. И белую, как просил. Рисую на наших щитах большие белые кресты. А остальное поле щита закрашиваю в чёрный цвет – для контраста. Да и для практичности, если наоборот – слишком мараться будет. На чёрном грязь не видна.

Мы теперь – рыцари-госпитальеры. Мальтийского Ордена. Если я ничего не путаю. Так эти средневековые разбойники себя выделяли? Белый крест на чёрном фоне? Госпитальеры. Что я зря весь мозжечок моим «родственникам» выклевал способами спасения жизни на поле боя? За месяцы бродячей жизни.

Тот, кто в армии служил, не только в цирке не смеётся, но и шкурой впитывает простую истину: чтобы личный состав не маялся всякой хренью и не икал мозг командирам, этот

[1] ЧСД – чувство собственного достоинства (*молодежный сленг*).

личный состав должен быть – уставшим и заё… заинструктированным по самое «не могу». А я долго служил. Оче-е-ень долго. На нескольких хватило бы. Въелось это в подкорку. Вот мы и занимались. Корку и остальным. Физическими упражнениями, боевой подготовкой и – первой медицинской помощью. Чем ещё их инструктировать? Уставом караульной службы? Инструкцией по разборке и чистке АК?

Да-да, о своём упущении уже говорил. Надо было их грамоте учить. Каюсь, даже не подумал, а – зря. Это заикивает эффективнее, но я как-то привык, что у нас, на Земле, по крайней мере в России – поголовная грамотность была, воспринимается элементарная грамотность, как данность. Пусть с правописанием проблемы, но читать и деньги считать – все умеют. А случай убедиться в обратном при кочевой жизни не представлялся. Тут газет нет. И туалетов – тоже. И меню в местном общепите – не принято. Тут всё – устное народное творчество.

Так как мы – штрафники, то с завтраком нас обломали, только обед. Это, к слову, про общепит. После обеда – снова штурм. В этот раз длины лестниц хватило. Нарастили. Штурм быстро набрал высокую степень накала. Под стенами тела – слоями. И нам работы хватило. Так хватило, что вечером ходили к магу и отдали ему две серебрушки. Ибо – маг не должен тратить Силу напрасно. Зарядка наших амулетов – как раз небоевые потери Силы. А потому – надо дать взятку, чтобы он пошёл на «должностное преступление», сука! И потратил стратегический ресурс своего магического запаса в личных, наших, целях.

А утром – опять штурм. От крови и боли людей самые младшие в моей команде – сходили с ума. Глаза наливались безумием. Обливал холодной водой. В атаку они собрались! На стены! Надоело им инвалидов таскать.

– Придурки! Мы сюда для чего припёрлись? Денег заработать? Мёртвому деньги не нужны! Это не ваша война. Нам по барабану, кто победит. Нам – срок отслужить. Убивать для этого совсем не обязательно, – кричу им в лица.

Во взгляде Молота – ничего, его ещё не отпустило, пришлось по шее дать, у Пятого – презрение борется с непониманием, а вот у Корка – удивление.

Бунт подавлен, возвращаемся к работе. Раненых – много. Таскаем без разбора – свои, чужие. Ночью только догадались – сделали носилки из обломков лестниц. Стало полегче.

Бой продолжается всю ночь – наши взяли одну стену, защитники отчаянно контратаковали. За полночь взяли воротную башню – войска широким потоком пошли в город. Защитники стали сдаваться. Утром всё закончилось.

Я всё ждал магических атак от защитников. Думал, Маги силы берегут. Но магия так и не была применена. Может, не было Магов в этом городе?

Сутки мы таскали раненых. Сутки! Как заведённые. Какой сутки – больше! Только следующим вечером я решил, что баста, хватит! Работаем, как комуняки в забое. И Павка Корчагин – сзади с наганом.

Вечером не пошли к Магу. Харя у него треснет – каждый день ему платить по две монеты. Я «срисовал», как он заряжал амулеты, совместно с Духом поняли, почему у меня не получалось. Хотя казённый Маг и использовал вербальный способ, я увидел свою ошибку – неверный угол одной из рун.

Когда я дохожу до крайнего истощения всех своих сил, когда сознание находится на грани – опять получилось магическое открытие. Сам зарядил я амулеты. Слил в них Силу. Молча, что особенно ценно. Не маг я, не маг. Уже вырубаясь, не засыпая, а именно – отрубаясь, понял, как сделать индикатор заряда магической Силы по типу индикатора телефона. С четырьмя или пятью делениями. Но не сделал. А потом – опять забыл.

Глава 3

Утром надел наручи, натянул кольчугу, не стал крепить остальную бронь, тяжёлую, латную, пошёл проведать раненых. Придя, схватился за голову – слишком много тех, кого мы вынесли, умерли. Слишком многие стали инвалидами. Я же видел, что к раненым бросались какие-то женщины. Подумал – знахарок наняли, магинь… как будет маг женского рода? Магиня, магичка? Не важно. Оказалось – это были не медсёстры. Это были шлюхи полковые. С соответствующим уровнем знаний медицины. Никаким.

Подтягивается тройка моих госпитальеров. Наша зверюга сидит безвылазно в нашей палатке – имущество охраняет. Вид у всех – краше на костёр ставят. Кольчуга на Атосе висит, как штора в театре. Отвык его видеть без его бочки панциря.

– Порожняк! – говорю я им. Ещё бы они знали, что это такое. Да ещё и без перевода. На русском.

Иду, пальцами тыкаю в тех, что умерли, в тех, что умрут, – гангрена начинается. Считаю. Разворачиваюсь, иду в свою палатку. Бронируюсь. Вооружаюсь. Мои соратники – тоже, но я им запрещаю. Ибо – нехрен! Есть такой зверь.

На холме знать празднует победу. Бухают. Щит на руку, топор, иду в атаку. Гвалт, шум, столы опрокидывают, хватают мечи, путаются в перевязях. Наёмники сбегаются отовсюду, но оружие не обнажают. Ага – зрители. Тоже – злые.

Охрана знати хватает арбалеты, которые все местные, поголовно, называют самострелами. Лучников в этом мире я ещё не видел. И луков не видел. В действии. Единственный лук – в руках Бродяги. Тот самый, без тетивы. Тут – только арбалеты. И что вы за них схватились? Пока вы тетиву натянете, пока взведёте, пока зарядите – фарш от вас будет. Фарш. Такой же гнилой, в который вы превратили мой труд.

Навстречу идёт тот самый командир, с бакенбардами. Без шлема, с голыми руками. Ладони выставил в останавливающем жесте.

– Шестьдесят три! – кричу ему в лицо.

Не понимает.

– Я их вынес из боя, а вы – их погубили! Где лекари? Где знахарки? Где бинты, где врачи? Почему люди гниют заживо?

– Я понял тебя. Признаю твоё право, – отвечает этот, стильный. Поворачивается ко мне спиной, начинает орать, как паровоз, которому перекрыли стрелку. А потом – мне:

– Арестовать!

– Кого? Всех? – удивляюсь.

– Тебя. Сложи оружие. За бунт – сутки ямы.

– Сука! – говорю я ему. Правда, по-русски.

– Сложи оружие, – кивает он мне, типа – принял твоё мнение к сведению, потом жёстко, добавляет: – Это приказ!

Сука! Пока он мне зубы заговаривал, заряженные арбалеты смотрят на меня. И Маг играет шаровой молнией в руках. Сука!

Ночью решётка поднимается, опускают лестницу.

– Пошёл, – слышу.

Иду. Ведут меня, ведут. Приводят в какой-то шатёр. Конвой остаётся снаружи. Захожу. Тот самый, с бакенбардами. Барклай, гля, де Толли. Подходит, разрезает верёвки на руках. Показывает за стол, на стул. Не уже привычная лавка – стул.

– Садись, ешь, пей. Рассказывай.

Ем, пью. Молчу.

– Тебя зовут Игрек? – спрашивает.

А то ты не знаешь! Сам нанимал.

– Угу! – отвечаю забитым ртом.

– Я – Пратолк из Дома Лося.

Киваю, типа – принял. К сведению.

– Откуда ты? – спрашивает.

Махнул рукой туда, где, как я считал, северо-запад.

– Порубежье?

Киваю головой, глотнув вина. Понимаю – невежливо, но я голодный. И еда вкусная. А вино – вишнёвое. Вкусное. Пресная, пустая баланда уже в печёнках!

– Поэтому так ловко бьёшь скверных, но жалеешь – живых.

– Возможно, – отвечаю.

– Поэтому – как дикарь, не воспитан.

– Возможно, – пожимаю плечами.

– Когда нанимался, надо было указывать, что ты – лекарь, Маг. Платили бы два золотых. Только тебе. Если научил своих потомков – и у них был бы другой договор. Нет у нас лекарей. Маг наш силён, но лечить совсем не умеет. Боевик-стихийник. Что умеешь?

Пожимаю плечами и отвечаю:

– У нас правило – спасение попавших в беду – дело рук самих попавших в беду. Приходится научиться. У нас правило – сам погибай, а товарища выручай. Но ты можешь остаться один, и некому будет помочь. Я не врач. Но умею остановить кровь, зашить рану.

– Я знаю, что ты, самое меньшее, одному – помог магией. Покажи.

Вздыхаю. Говорили люди – не делай добра, если не хочешь головных болей. Зажигаю светящийся шарик.

– Клирик? – удивляется Пратолк.

Мотаю головой:

– Так получилось. Надо было срочно научиться убивать нежить. Свет – хорош против них. И бесполезен против живых.

– Почему ты присоединился к нам?

– Деньги нужны. Были.

– А теперь?

– И теперь. Только, жалею, что не нашёл иного заработка.

– Почему?

– Война ваша – бестолковая.

– Осторожнее со словами.

– Это – ошибка. Война – ошибка. Враг – там. А вы – убиваете друг друга.

Вздыхает. Молчит, разглядывая свой кубок.

– Я привел сюда тысячу пятьсот двенадцать человек. В строю осталось дюжина сотен. После первого боя. Без магов. – Он встал и стал мерить шагами длину палатки. Повернулся ко мне:

– Предлагаю тебе договор найма, как лекаря-мага нанимаю. Тебе и твоим людям. Три золотых за месяц. Берёшься?

– Щедрое предложение. Что я должен делать? И какие у меня полномочия?

– Спасать моих людей. Прислугу наберёшь сам, – говорит он и кидает на стол кошель, – тут один золотой серебром. Задаток. Лекарю нужны снадобья.

– И бинты. Ткань. Чистая, белая. Много.

– Найдём. Иди, выспись. Завтра начинай. Если кто будет мешать, дай ему в морду – ты можешь. Всё одно – ко мне жаловаться побегут. Поединки я запретил. Ступай!

Глава 4

Прислугу я нанял в захваченном городе. Захватчики особо и не лютовали. Так – порубили тех, кто сопротивлялся, тех, кто под руку попался, тех, кто не понравился, а кто понравился – понасиловали. Пограбили на скорую руку. Вот и всё. Дома не жгли, тайники пытками не искали. Не злобствовали особо. Горожане сами устраняли последствия боя и штурма, хоронили павших в освящённой земле у Храма. Мастерские, пекарни и таверна уже работали. Лавки уже зазывали покупателей. А местные парни – интересовались условиями найма.

Я нанял двух молодых пацанов, которых забраковали рекрутеры Лося, как слишком молодых, и десяток молодых девок и женщин, потому как женщины – шли совсем дешево, как оптом, а старые и немощные – мне без надобности.

Распределил пополнение меж своих «сержантов» – мушкетёров. И стал всех учить лечить колото-резаные раны и переломы. Трофейный портной с огромной скидкой мне согласился сшить униформу. Фактически я получил накидки мушкетёров, только белые, с красными крестами, по цене материала, из которого их сделали. Одел всех медсёстрами и стал организовывать поточный метод ремонта людей.

Спирта тут не было. Кипячёная вода – роскошь. Потому креплёное вино и огонь – дезинфекция. Скальпель – булатный нож, так как хорошо держал заточку, простая загнутая игла, нитки из жил животных, выкипяченных в уксусе. И – Печать Лечения Света.

Пратолк увел свои полки воевать дальше. Мы пока застряли тут. Ещё пять десятков человек нуждались в срочной моей работе. Вставших на ноги тут же припрягал к режиму лёгкого труда – дали им тоже накидки плащей мушкетёров, только чёрные с белым крестом, как у моих Атоса, Портоса и Арамиса. Благо накидка – просто простыня с прорезью под голову. Надеваешь, как пончо – готов госпитальер! Чёрные с белыми крестами – охрана, белые с красными – лекари. Ну, сестрички. Они ещё и за больными ухаживают, бинты стирают, кипятят.

Шлюх всех выгнал. Я тут стал всех санитарии и гигиене учить. Этих, военно-полевых, шалав бесполезно учить. А бело-красным обещал, если узнаю – матку через горло выдерну. Мне тут только страстей сериально-амурных, мексиканских, и не хватало! И сопутствующих зараз.

Через два дня подходит отряд наёмников под две сотни рыл – подкрепления, грузим неходячих в их обоз, идём догонять Пратолка. В дороге собираю медперсонал, провожу ликбез по медицине катастроф. Смотрят так, будто я на латыни шпарю.

Догоняем Пратолка через день. За полдня пути видим бой – дым в небо столбом. В полный рост идёт штурм города. В этот раз защитники имеют самоходную гаубицу – со стен летят Огненные Стрелы – похожие на плевки перегретой плазмы, как в фантастических фильмах «про будущее», и Шары Огня. Эти – знакомые. Летит шар раскалённой плазмы, попадая в препятствие, – взрыв – настолько стремительно Шар Огня раскаляет всё, во что попадает.

Тогда, значит, у меня в перстне никакая не Стрела Огня. Стрелой Огня тут называют разряд перекалённой плазмы, а у меня – полноценный лазерный луч. А как местные маги это называют? Ага! Щаз я всем рассказал про свой камень за пазухой! Это – сюрприз для особо сильных и вредных врагов. Тех, с которыми не справится всё моё умение и всё моё оружие. Последний козырь.

Наше командование в этот раз озаботилось ранеными – их стаскивали в лагерь. Сразу разбиваю «чёрнорубашечников» на три отряда и отправляю на поле боя. Потому как мне их

стаскивают как придётся. А они – кровью истекают. «Мои» на месте окажут первую медицинскую услугу. Пока ещё не поздно.

Я опять организую конвейер. Часть медсестёр подготавливают раненых – освобождают от брони и оружия, обмывают раны, отчищают. Я – осматриваю. Если считаю, что справятся сами, делают они, сложный случай – сам. И показываю, и рассказываю:

– А сшивать надо так: жёлтое – с жёлтым, красное – с красным, белое – с белым. Да держите же его, пока я ему молотком в лоб не врезал! – Нужен стол операционный, в конце концов! Что на коленях ковыряться! Спина отвалится!

Конечно, если у человека пробиты внутренние органы, перебит позвоночник, повреждён мозг, я ничего не мог сделать. Но трое из четырех раненых – простые колото-резаные, переломы, стрелы. И если прорубленная до кости нога, обычно – инвалидность или смерть, а я его ставлю на ноги, пусть и хромающим, пока разве мало? Перебитая кость голени, например, в половине случаев – ампутация, то это – глупость.

Жаль, наркоза нет. У меня уже уши болят от их криков. Всё же делаю на живую, составляю обломки костей, сшиваю раны. Одному пришил отрубленную кисть и наложил Печать. Кисть – как протез – не работает и ничего не чувствует, но человек благодарит. С культей или деревяшкой – хуже.

Говорят, что Маги жизни не могут справиться только с травмами мозга. Всё остальное – излечимо. Для них. Но Магов жизни – единицы. Вспоминаю, как Маг жизни Охотников остался прикрывать моё бегство. И отбрасываю усталость, возвращаю судьбе долг. Лечу.

Ломать людей каждый может. Ты их почини, попробуй! Не будучи Магом жизни. Моя Печать – лишь ускоряет заживление. Сама она не лечит. Если на открытую рану наложить Печать, так и заживёт – оврагом. А не составленные вместе кости – срастутся криво. Сломанный нос останется кривым.

Сделав операцию, говорю, что надо делать – зашить, забинтовать, гипс куда и как, иду к следующему.

И так – бесконечная вереница крови и мяса. Мясо и кровь. Людей. Крики боли, стоны и смерть в моих руках. И не одного. Наркоз нужен. Наркоз.

Кто-то говорит, что есть какое-то сонное зелье. Обещают достать. Пока достанут – люди орут и гадят от боли. Это очень тяжело. Очень. Убивать проще. И легче. И опять конвейер крови и мяса. Я сойду с ума!

Сижу на камне. Лицо стянула маска засохшей чужой крови. Борода – ржавая коряга. Руки – по локоть бурые от крови. Ничего не вижу.

Не знаю, как долго меня тряс наш полководец, но я узнал его, и, ввиду временного помутнения рассудка, сработал автомат, я вытянулся, так как к «пустой» голове не прикладывают, докладываю:

– Товарищ полковник, докладываю: ваше приказание выполнено. Личный состав – прооперирован! Потери… потери – есть. Нарушений дисциплины и дезертирства – нет! Разрешите, в рот икаться, отрубиться?

– Ты бы отдохнул, Игрек, – говорит, ни слова не поняв, не владея русским языком, – тяжело?

– А ты попробуй! Людей ломать всяк может. Ты их почини!

Темнота. Отрубаясь, подумал, а эта вот всплывшая информация о какой-то блокировке разума не заменит наркоз? На что Дух, протяжно, ввиду потери мною сознания, отвечает: «Я в магии разума совсем ниче… го… не… по…»

Глава 5

Вот и истёк мой контракт. Месяц. Месяц бесконечного кровавого круговорота боли и смертей. Тяжело.

Но я же – оптимистический пофигист, или – офигевший оптимист? Не важно, потому о положительном.

О моём статусе. Статусе командира отряда Наёмников. Со своим флагом. Точно – чёрным с белым крестом. У меня – стратегический объект под началом – госпиталь. И под сотню наёмного персонала. На семнадцать с половиной сотен общей численности войска троюродного брата правящего князя Дома Лося. И «мушкетёры» мои учатся быть десятниками. Потому как временно не боеспособные – все примеряют черные простыни. Некоторые женщины в белых накидках с красными крестами, которыми они очень гордятся, особенно белыми накрахмаленными колпаками, стоящими, как конские… хм, башни. Так вот, они уже самостоятельно сортируют раненых, проводят несложные операции, шьют раны, достают стрелы. И имеют статус старших сестёр Красного Креста. Нет, они произносят так: Старшая Сестра Красного Креста. И даже устав придумали. Ну, про гигиену и половую сдержанность. Я им – матом, они – кровью под клятву. Сами – честно!

И монеты у нас в кошелях звенят золотом. Премиальные нам олень с бакенбардами выписал. По золотому в каждое лицо. Потому как невиданное дело – такие низкие потери среди бойцов! Потому как обычно на одного убитого в бою приходилось трое умерших после боя. Теперь один к одному. А если взять полное отсутствие потерь от поноса и отравлений – вечных спутников кочевой жизни… Сколько носов пришлось сломать, пока не дошли простые истины – руки надо мыть до еды и после туалета, посуду – после еды, воду – кипятить. Не есть гнилую и протухшую еду.

Вот за это, за гниль, и казнили одного из благородных, со сломанным носом. Я ему нос сломал, он меня – на дуэль вызвал. Я ему – почки отбил. Показал, что ВДВ не зря на праздники показуху ногодрыгательную изображают. Он побежал жаловаться – голова его скатилась с холма. Под всеобщий гул одобрямся. Тухлое мясо приволок в лагерь, падла!

А меня кнутом высекли. А как же иначе? Руку на благородного поднял! Правда, я в шлеме был и в полной броне. Об окончании казни мне палач голосом сообщил, потому как я его кнута тупо не чувствовал. Зато всё по букве закона.

Одним словом – слава моя и народная любовь рядового состава была сопоставима только с героическим бравым солдатом Швейком.

Теперь по личным достижениям, как мага. Я накладываю Печать Лечения – автоматически. И ёмкость моей внутренней батарейки выросла в несколько раз. Я уже смог бы изгнать Духа, но всё как-то некогда, да и привык я к нему. Копается там, теоретические разработки помогает «вспомнить». Беседуем мы. Как в той присказке – говорю сам с собой, с умным человеком. Обсуждаем теорию магии.

Я теперь точно знаю, сколько во мне Силы – индикатор всплывает, как положено – в правом верхнем углу зрения, чуть не сказал – экрана, а время – в привычном, цифровом формате – в нижнем. Это наработки из Школы разума, что стали понемногу «вспоминаться». Правда, я их все перелопачиваю на свой манер. Я же – неправильный маг.

Ещё из Школы разума – могу «вырубить» человека без дубины. Пальцем. Нажал – кукла. Глазами хлопает, дышит, а манекен парализованный. Интересная штука, но не сильно помогает – парализованный всё чувствует. Гораздо полезнее другая штука – блокировка нервных импульсов и блокировка боли. Могу пальцем передавить, что и делал поначалу, пальцами, а потом – усилием воли. Магией.

Хотя, как по мне, как раз эта магия, магия разума не похожа на магию, а больше всего и похожа на те фокусы, что нам показывал капитан с секретной фамилией и позывным, что командовал спецгруппой ГРУ, что ждала как-то у нас на блоке вертушку. Отвод глаз, ментальный удар, захват разума, блокировки разума, ну и соответственно – взлом блокировок. Хакинг мозга. Ничего этого я не умею, но знаю, что это – Школа разума.

Я могу блокировать боль, например в руке бойца, и шить его, пока он с любопытством разглядывает собственное строение собственной руки – изнутри. Он ещё не знает, что боль вернётся. Позже, но – вся. Ночью он будет орать. Но они хотя бы перестали умирать у меня на руках – от болевого шока.

А если был особо тяжелый случай – я пациента отрубал полностью, погружал в мир иллюзий, гонял ему там подборку клипов ВИА «Золотое Кольцо» и «Сектор Газа». От такой гремучей смеси они отходили очень долго. Были тихие и покорные, как тихопомешанные. Что и нужно для быстрого выздоровления – малая подвижность. Они смотрели в небо дня по три. Одна сложность – пациент должен мне позволить проникнуть в его разум. Ломиться в закрытые двери я не хотел. Некоторых столбняк пациентов после операций пугал. Некоторые – приходили за добавкой. Этим я скидывал Рамштайна пару клипов – больше не приходили. Тоже, нашли торговца иллюзиями!

Откуда такой прогресс? Про мои успехи и открытия в новых умениях в моменты крайнего перенапряжения уже говорилось. А я в таких моментах был не раз. После каждого боя, стычки и битвы, когда начиналась кровавая круговерть, я выкладывался полностью. До дна. И даже глубже.

Наш «казённый» маг говорит, что так – нельзя. Нельзя магически истощаться полностью. Особенно мне. Потому как одним из открытий моего донора магических умений Чеса-Чистильщика был способ преобразования психической и даже жизненной энергии в магическую (хотя, как по мне, психическая энергия и есть магическая). Именно поэтому у Чеса и получались именно такие, уникальные, артефакты Посмертия. Когда человека убили, его жизненная сила не развеивается, не истекает из ран, а сливается в артефакт и наполняет заложенное заклинание. И – бах! Самоподрыв.

Я – выкладываюсь до дна. Не только из желания помочь людям – не настолько же я альтруист ёжнутый? И из корыстного интереса – тоже. Перед тем, как предохранитель, где-то в подсознании, не разомкнёт цепи в моей голове от истощения всех имеющихся батареек и я потеряю сознание, приходит понимание какого-либо аспекта магии или умений, что вложил мне Чес. А утром – уже могу кое-как этим оперировать. Поначалу робко и неумело. Ну… всё требует навыка и опыта. А навык – сын ошибок трудных. А опыт – их дочь. Ошибок. Трудных.

Да, я при таком растранжиривании своих сил превращаюсь в совсем уж старика дряхлого, но за ночь происходит обратный процесс – организм впитывает откуда-то магию, обратно перерабатывая её в жизненную силу. Очень жаль, что именно этот процесс мне совсем неподконтролен. Очень жаль. А кто не хотел на второй половине столетия вернуть себе восемнадцать лет? Или хотя бы двадцать пять? Но у меня откат только на те позиции, что были сутки назад. На вчерашнее утро.

Если снять с себя Скрыт. С поднятым Скрытом – магия не восполняется. Обидно. Или заряжаешь батарейку и все Одарённые видят твой магический потенциал, или шифруешься под бездаря, но – разряженным.

Ах, да, единственное доступное мне боевое умение Школы разума – Щит Разума, который был скорее Щитом Воли. Почему умение, а не заклинание? Потому как не надо кричать абракадабру-симсалябим, не надо проецировать руны перед мысленным взором и наполнять Силой. Надо – сильно захотеть. Очень-очень сильно. Потому магией это не считаю. Опять же – похоже на фокусы некоторых знакомых, тех самых – засекреченных, что разбивали

бутылку бесконтактным ударом, не прикасаясь. Но меня эта штука очень впечатляла. Так было завораживающе смотреть на арбалетный болт, который вяз в невидимом Щите, как в плотном желе, медленно-медленно, как в кино «про Нео», приближаясь. То же – с мечами, топорами и прочими.

А вот пощёчину, например, не останавливал совсем никак, сука!

Был такой позорный случай. Я ей тонкий, но недвусмысленный, намёк на сеновал, она – драться. Блин, с Медвила и Спасёны даже не пытался шуры-мурные дела вляпать, а тут – вон как! И что, что благородная? И не таких мы на… копье вертели! Да пошла она! У меня вон – полон двор волооких сестричек, что уже не намекают на декретный отпуск, а требуют! Дай ей каждой по ребёнку – ты же обещал! А то, что не обещал никогда, я за базар отвечаю, – малозначимый фактор. Для кого себя бережём, всех таких знатных кавалеров отшиваем? И, да – есть весьма знатные ухажёры.

Просто, получилось так, что типичные мещанки, которых я нанял, порядком изменились, пока работают в госпитале. Под моими словами и моим влиянием. Не умышленным, не явным, но всё же. Ну, не смог я смотреть на их «серость», забитость равнодушно. Протянул язык. Какой-то лоск появился у «сестричек», нос задрали, как матроны благородные. Свысока смотрят на всех. Надо бы их встряхнуть, приземлить, но – не буду. Жизнь сама всех возомнивших о себе и задравших нос этим самым носом об угол-то и шмякает. Когда через порог запнутся. Больно будет.

Но не я эту боль им устрою. Пусть полетают в облаках. Жалко их. В этом мире к женщине отношение плохое, прямо скажу. Не то, что с точки зрения оборзевших феминисток, а даже с точки зрения простого русского мужика.

У нас баба – и есть баба. Не мужик. Но принижать – не смей. Она – не мужик. Но и ты – не баба. Просто мы разные. Они – своё, мы – своё. Это и есть – равноправие полов. По-русски. На работе и в гараже – мужик голова. На кухне – хозяйка. И это нормально. Что в дом и как притащить – ты думай, а что с этим делать, чтобы мужик быстро за добычей бегал, она думает. Где принижение? Нет его. Семейное разделение обязанностей. Потому феминизм у нас и не приживается. За ненадобностью.

Но тут баба, что лошадь – работай, рожай детей и молчи. Вон, даже жен под чужих мужиков подкладывают. Для улучшения породы. Никакой ревности. Потому как – будешь ты ревновать, если начальник твой с твоего телефона позвонит? Ну, не больше, если жену лорд какой обрюхатит. Одним словом, отношение к женщине не как к человеку, а как к предмету. К человекоподобной вещи. Не по-людски это! Не по-человечески!

Отношение к женщинам чуть лучше, чем к рабам. Там – вообще тоска. Рабов людьми тоже не считают. Но это – отдельная песня.

Да и, если уж совсем честно, не очень и хотелось на эту грымзу залезать. Сама ко мне лезла, достала! Устал от неё бегать. Возомнила из себя Клеопатру. Привыкла, что пальцем поманит – бегут к ней. Щаз! Пусть придворные и бегут! А я – не мальчик уже, на пальчик откликаться! Ничего в ней нет интересного. Старая, толстая, обрюзгшая, спесивая шлюха. Только высокородная. Пришлось нагрубить. Прилюдно. При Пратолке. Зная, какая должна быть реакция. Ибо – благородная. Обязана была именно так отреагировать. Потому и Щит поставил. Почему я его Щитом Воли и называю. Так, по ощущению. Будто останавливаю предметы силой воли. Руку этой породистой самки собаки, унизанную перстнями, не хотел останавливать. Авось, морда не треснет. Не боевой чекан, небось. А дряблая рука, что тяжелее ху… ложки, в руках ничего не держала.

И опять об отношении к слабой половине человечества. Я же прошаренный. Сказать ей такое с глазу на глаз – лишь распалить эту нимфоманку. А при всём честном народе – почти коронное преступление. Да не почти! Если князь Великого Дома – что король какой-нибудь Бургундии, или Саксонии, то как раз – коронное преступление.

А вот при её родном брате, как раз князе Дома Лося, прокатило. И за оскорбление сошло, и – без последствий. Пратолк выгнал её из своей палатки, пообещав меня наказать. И – наказал. Сидел я под арестом в отдельном помещении, всю ночь имел беседы с князем (Пратолк же – князь?) да отравлял организм креплёной грушовой настойкой. То есть оскорбление собственной сестры князь не посчитал достойным внимания. И лишь использовал это как повод напоить меня и развязать мне язык – очень уж сильно его беспокоила моя личность.

Споить меня? Наивные албанцы! Они даже водку тут не пьют. Может, не изобрели ещё? Уж если бы знали – не забыли бы. И не имеют они такого опыта ведения переговоров «под градусом», какой имел я.

Вернёмся к нашей овце. И это сестра нашего полководца? Княжна! Породистая сучка – вот и всё. Намотаешь себе на скалку невесть чего – ищи потом Мага жизни. Я своё достоинство тоже не на помойке нашёл, чтобы его в нужник макать. Привереда я. Если писать – то на гербовой. И далее – по тексту.

А где Мага жизни искать? Их и так мало было, так единственный жизнюк, которого знал – Маг жизни гильдии Охотников – погиб. Из-за меня погиб. Чтобы я – жил.

Охотникам я – должен, жизнь должен. Рубиновую сталь оставил им. Просто подарить – они бы возмутились, поняли бы, что пытаюсь откупиться, а это ущерб чести. Потому и так щедро делился наработками инженерной мысли Земли с оружейником гильдии, что чувствовал – должен. Но совесть говорит мне, что это попытка отмазаться. С рубиновой сталью.

Ладно, жизнь такая штука, что земля – круглая. И – маленькая. Расплачусь по долгам.

Что-то я углубился в подведение итогов. Сегодня последний день моего контракта. И продлять его я не хочу. Потому как чую седалищем – неспроста контракты были заключены на столь короткие сроки. Неспроста!

Мы уже достаточно далеко углубились в Княжество Вепря. А наследник Лебедя всё не реагирует. Тут или он забил на нас, считая, что ополченцы Вепря сами справятся, либо ждут армию с центра Империи. А Белохвост не хочет распылять силы.

Вообще, война тут – совсем другая. В стратегическом плане. Тут жизнь – другая. Тут невозможны привычные в Средние века Земли деревни, хутора. Одинокие домики в лесу. Отшельники всякие. Народ тут живёт очень компактно. Ввиду невозможности прожить подножным кормом. Все поселения людей – укрепрайоны. И, как бусы, нанизанные на дороги. И на карте они выглядят так же, как роса на паутине.

Кроме того, тут не проводят террор к местным жителям-некомбатантам. Это на Земле, в том же средневековье, рыцарь ради прикола лихо разрубал нищего скитальца, слово никто не скажет – народ рос, как трава сорная. А тут – ни травы особо не растут без людского труда, ни люди. Да и бойцов противника старались брать в плен, а не изничтожить. Уже несколько раз проводили обмен пленных «всех на всех».

Да и битвы проходили, как шахматные партии – без накала. У кого больше сильных фигур, кто их более грамотно применит, тот и победил. Как только становится ясно, что в бою наступил перелом, Вепри опускали флаги и поднимали руки. Никаких «до последнего солдата, до последней капли крови». Я как-то читал что-то про междоусобицу двух родных братьев Рюриковичей – красные партизаны и каратели-бандеровцы отдыхают. Друг друга и простой русский народ резали с таким азартом, что «плохие войны» лоскутной средневековой Европы – олимпийские игры. Бескровные и безопасные.

Глава 6

Вот и сейчас – на обширном холмисто-овражном пустыре перед укреплениями очередного поселения вассала князя Вепря выстроилось войско. Тысячи две навскидку. У нас – полторы. Да-да, такого размера тут войска. Даже до дивизий не дотягивают.

За этот месяц, моими усилиями, цифры безвозвратных потерь значительно снизились. Да, под сотню человек ещё ходили в чёрных накидках – выздоравливающие. Но нам выделили место в строю. Стрелков прикрывать. Щит и копьё держишь? Надевай чёрную накидку и – в строй. Ибо в чёрной накидке – довольствие полное. А лёжа в лазарете – только четверть. А когда пациент может снять чёрный балахон с белым крестом, решаю я. Тогда боец возвращается в свой отряд.

И продавить именно такой подход к делу – что сделать революцию. Но я сделал.

Среди флагов Вепрей перед нами полно Лебедей всех цветов и оттенков. В том смысле, что поля вымпелов разных оттенков. Вассалы Дома Лебедя. Всё же подошли войска из глубины Империи. Под командованием какого-то близкого Императору должностного лица. Фокус у Лосей не получился. Белохвостый Лебедёныш не стал крутить хвостом.

Лазарет разворачиваем позади ставки командования, у подножия холма. Флаги Пратолка – на вершине холма. Стрелки выстраиваются. И мои чернорубашечники – тоже. Командует Атос, он же – Крок. От того, что у него не особо выходит, не любят его люди, не хотят подчиняться, Атос весь раздулся. Броня уже не так болтается на нём. Учись, зверёныш, учись. Если ты мечтаешь освободить свою расу – надо научиться не только махать топором, но и командовать. Люди идут не за тем, кто хорошо дерётся, а за тем, кто привык повелевать. Прокачивай навык лидерства.

Мне – через холм – не видно построение войск. Но, судя по тому, что вымпелы стрелков я вижу на холме, мы будем обороняться. Впервые за эту кампанию. Обычно – атакуем.

Стрелков у нас всего сто двадцать человек. Ну, не особо умеют тут стрелять. Не в кого. Войны редки. А нежить и нечисть стрелами не остановишь. Тут в большем почёте копья и оружие, что крушит и рубит, – топоры, чеканы, алебарды, секиры. А самострелы тут – осадное оружие. А луков вообще нет. Как уже и говорил.

Даже пеших мечников мало. Тут меч – скорее, признак аристократии. Потому как меч – более тонкое оружие, более сложное в освоении. Наёмники предпочитают те же топоры-алебарды, ополчение – копья.

Моих не вижу. В чёрных накидках с белыми крестами наутро было восемьдесят семь человек. Вчера проводил массовую «выписку». Стоят, наверное, перед стрелками, за гребнем. Что интересно, щиты выздоравливающие красили в цвет накидок – чёрно-крестовый. После выписки накидки сдавали, а щиты не перекрашивали. Теперь чуть ли не половина войска Пратолка с черно-крестовыми щитами. Ибо – гордятся. Как нашивка за ранение. Даже угробив щит, новый красят – так же.

Я же разруливаю лазаретом, ору, отвешиваю волшебные пендали. Ходячие – ставят навесы, столы операционные, сколоченные как обычные столы. Но хоть – не на коленях оперировать. Расстилают плетёные циновки – для раненых. За восемь битв выработался определённый навык. Сестрички раскладывают бинты и склянки с зельями. Разжились. Пратолк – помогает в снабжении. Даже нанял двух знахарок, что с удовольствием обрядились в медсестёр, включились в работу. Квалификация их, как операционных сестёр, была не выше тех, кого я нанял первыми, но вот в выхаживании людей – и мне до них, как до Луны в соседнюю реальность.

Визжат трубы – началась бойня. Сажусь, вгоняю себя в медитацию – сил мне потребуется сегодня много. Суммарно – три с половиной тысячи бойцов. Будут друг друга кале-

чить. А мы – лечим всех. Уже больше десяти людей Вепря встали под команду Атоса в ряды чернорубашечников – в благодарность за свою жизнь. Остальных отпустили, если калекой стал, или обменяли на наших пленных.

Грохот за холмом, крики. Тут рядом, метрах в двухстах – уже идёт месилово. Как я понимаю, этот холм – центр нашего построения.

Началось. Первый пострадавший – сам пришёл. Все уже знают, куда идти. Удалось даже провести учёбу всему войску по оказанию первой помощи. Насколько усвоили? Посмотрим. Но не думаю, что что-то прижилось в их головах.

А, нет, прижилось – несёт правую руку в левой, культя перетянута ремнём! Хоть это запомнил, как накладывать жгут. Лицо – как мел. И по ногам – кровь. Ещё и в бок ранен. Но, оказалось, мои его обработали и отправили добираться до нас, лекарей, своим ходом.

Руку отрубили? Это лучше, чем если оторвали. Укладываем, мои сотрудницы режут большими ножницами его одежды. Сразу все – вместе со стёганкой. Промывают раны, пока я ему «запутываю сознание» и пускаю ему запись (без перевода): «…за мои зелёные глаза называешь ты меня колдуньей…» Руку уже приставили к культе, проверяю – довольно точно. Халла уже шьёт. Накладываю Печать. Края раны начинают слипаться. Срезают жгут. Пошла кровь из раны. Рано сняли жгут? Хотел ещё Печать, но та же Халла останавливает. Верно – это только первый. И на бок ему не буду Силу тратить – там простое рассечение, уже сводят края, стягивают нитками из сухожилий.

Поднимаю голову – уже целый ряд. Подготовлен. Опять калейдоскоп крови и мяса. Я должен. Должен этому миру. Жизнь должен. Смерть – отдам потом.

Из бесконечной карусели боли, крови и мяса меня вырывает Пятый. Орёт мне в ухо:

– Дед, беда!

– Наши? Кто? – вскидываюсь я.

Я уже штопал их троих, не по одному разу. Благо доспехи спасали от смертельных ран, но в конечности и сочленения, а доспех у нас всё же фрагментарный, – получали раны. Молодые, горячие. Всё норовят подраться.

А прошлый раз Атос водил «чернорубашечников» в атаку. После арбалетных залпов. Это было в прошлой битве. До этого «госпитальеры» – таскали раненых, сами получая раны. Но вот в прошлый раз Пратолк сумел соблазнить Атоса и использовал связку стрелки-«госпитальеры» как ударную силу. Я сделал вид, что не в курсе их «переговоров». Корку надо получать боевой опыт в роли главкома. И заодно – проверка зверолюда на лояльность. Но пришёл, выдал расклад, попросил – дозволить и благословить.

Несколько залпов самострелов прореживали ряды противника и подавляли, а мощь Атоса в его боевой ярости просто обращала в бегство. Как рассказывал Портос-Молот, Корк единым ударом прорубил себе брешь в строю щитов на три человека шириной. Ещё взмах – ещё двое валятся, разбрызгивая кровь. В эту брешь вгрызаются копья «крестоносцев». За минуту строй Вепрей – пробит, разбит на две части, клин «крестоносцев» прорывается и начинается избиение Вепрей с двух сторон – в лицо и в спину, пока не побегут.

– Смотри! – кричит Арамис-Пятый. Его шлем в крови. На лице в прорезях шлема – бурые полосы и капли.

Смотрю. Конница, с птицами на щитах и флагах гоняет наших обозников. Обошли. Ударили с тыла.

– Все, кто может держать оружие, стройся! – реву я, как наш сержант в учебке – паровозом.

Облачаюсь в броню. Пятый и Халла – помогают бронироваться, руки у меня уже дрожат от усталости, не попадаю ремнями в замки. Мимо бегут бойцы в чёрных накидках с чёрными щитами. Перестраиваются с той стороны холма на этот. Прикрывать лазарет и ставку командования от неожиданной угрозы.

Конницы немного. Сотни полторы всего. Но они – в тылу нашего войска.

Бросили гоняться за разбегающимися обозниками, выстраиваются в линию. В сдвоенную линию. Блин, все поголовно – в кольчугах! У многих на кольчугах пластины дополнительные или щитки закреплены. Шлемы глухие у всех, с крылышками из белых перьев. Это не лёгкая конница. Ударная. В центре – флаг с Лебедем. Их больше, чем казалось! Редкими каплями вливаются в эту лужу отставшие.

Выстраиваем стену чёрных щитов. В три ряда. Тридцать человек по фронту. Тоньше нельзя – прорвут, не заметят. Толще – нельзя. Обтекут. Лазарет растопчут, не заметив.

Сзади взводят самострелы стрелки. Сто двадцать стрел. На одетых в сталь всадников. За щитами. Что-то мне говорит о низкой эффективности обстрела. Посмотрим.

И моя магия бессильна. И щит мой, магический – индивидуальный. Ниппель бы помог, но этот сломанный артефакт уже несколько недель мёртв. Шары СШГ – только на нежить действуют убойно. Людей только ослепят вспышкой на пару секунд. Да и то – двух-трёх человек, не больше.

Будет как в том фильме про Федю и кольцо. Когда конница топтала орков. Только орки сейчас – мы. А бравые всадники Рохана – успели вовремя. Там этот, седой Пендальф, ослепил их вспышкой.

Надо попробовать. Только надо угадать момент.

А сам ору во всю мощь лёгких:

– Первая шеренга – на колено! Копьё упереть в землю. Направлять в грудь коней! Молчать, дети скверных шакалов! В коней! Мне вас жальче, чем скотину! Второй ряд! Конец копья под мышкой зажать! Класть на плечи первому ряду! Третий ряд! Щиты – на спину! Прижаться ко второму ряду. Копья – двумя руками за конец! На плечи второму ряду! Если мы их не остановим – умрём! Растопчут! И нас, и девок за нашими спинами!

Конная лава начинает разгон. Им атаковать на возвышение. Тут – подъём. Покатый, но – подъём. Небольшой, но плюс – наш. Нашей позиции.

Какие длинные у них копья! Метра по три – три с половиной!

Кричит командир стрелков. Щёлкают арбалеты. Сотня стрел бьёт в конницу. Лишь несколько всадников падают, с десяток коней летят кубарем. Арбалетчики проявляют чудо – успевают выстрелить ещё раз, но не все и не залпом, по готовности.

Бросаю шар СШГ, закачав в него столько силы, сколько смог, чтобы он не лопнул у меня перед лицом. Вспышка и взрыв – вижу, как дёргаются всадники, как дёргаются их кони, как взлетают вверх их копья.

Мгновенье – столкновение. Стискиваю копьё, направляя его в противника. Я – третий. Слева – Корк. Передо мной – Молот, Пятый – на колене, полностью за щитом – первый в строю.

Вижу, как наконечник Пятого проваливается в грудь коня, как наши с Молотом копья бьют в щит всадника, пробивают его. Копьё вырывает из рук, чуть не вырывая руки из суставов. Тела коня и всадника, со всей набранной скоростью и массой, впечатываются в нас, как автомобиль при ДТП, снося с ног.

Я на земле. Носом в этой смеси сухой, как черепица, глины и мелкого камня. Упираюсь руками, пытаясь встать. Что-то у меня на спине придавливает меня. Извиваюсь, груз сползает, но ноги придавлены. Шлем – на глазах, ничего не вижу, в глазах – пыль и песок. Рот и нос – тоже забиты. Наконец, встаю на четвереньки, на колени, поворачиваюсь, чтобы спихнуть то, что там мне придавило ноги.

Удар по голове, вспышка, грохот колокола прямо в голове, боль, тьма.

Глава 7

Очнулся. Опять – те же упражнения по попыткам изменить положение лежачего мордой в пыль человека. В этот раз получилось. Никто не помешал спихнуть тяжесть со спины. Встал на колени. Ноги придавлены. Надо их освобождать. Но сначала снял шлем, прочихался и прокашлялся, проморгался. Ощупал себя – цел. Всё же я – везунчик! Смятый шлем и разбитая голова и – всё! Сам себе накладываю Печать Лечения – у меня четверть Силы ещё есть.

Только потом спихнул тела Молота и мужика в кольчуге с себя. Засовываю пальцы за ворот доспехов Молота. Бьётся жила. Живой!

Высвобождаю ноги, отодвигаю Молота, тяну его. Ему копьё вошло прямо под наплечник. Больше вроде нет ничего. Выдёргиваю наконечник копья с обломком древка из тела Молота, кровь хлещет. Пальцами стягиваю края раны. Магию. Ещё раз. Вот. А с ямой и шрамом – потом разберёмся. Молот не очнулся, хоть и бил ему по шлему.

Под тушей коня нахожу Пятого. Живой. Придавленный, но живой. Похоже – рёбра. А может, и – позвоночник.

А, оказывается, сдвинуть мёртвую лошадь ни фига не просто! Особенно, если руки ватные после удара по голове. Проще выдернуть самого Пятого. А если позвоночник? Нельзя тащить. Лечу магией его рёбра, оставляю так. Или Молот очнётся, или сам Пятый. Одному мне этого коня не сдвинуть. Или Корка найду. Так, он был слева. Или справа?

Меня мутит. Оказывается, Печать Лечения не лечит от ушиба головного мозга.

В самом деле, ушибленный! А Архимед? Рычаг нужен! Копьё! Ищу несломанное копьё. Заодно оглядываюсь. По эту сторону холма – только тела людей и крылатые падальщики. Это сколько времени прошло? Пока только две птицы. Значит, не очень долго я валялся в отрубе. Нашёл копьё, сдвинул коня. Ещё магию наложил на Пятого. Я не рентген. Не вижу, что там у него внутри. Наружних повреждений – нет.

Следующей моей находкой были останки нашего цепного пса. Киса. Порублена и пробита копьями. Вокруг задранные кони и люди. Задранные и порубленные.

И рядом же – Корк. Шлем разбит, доспех в дырках, наплечники сбиты. Весь изранен, но жив, зверь! Хрипло дышит. Очнулся недавно, но встать не может. Хрипит, пришпиленный копьём к земле.

Начинаю сдирать с него измочаленные доспехи. Мать моя, женщина! Как ты жив-то? Щупаю свой пояс – пришла пора неприкосновенных запасов, что берёг для себя, любимого. Личину его, медвежью, снять не могу – били, как кузнечным молотом, расклинили. Так же, методом лома, но кинжалом – ломаю крепёж. Лицо – отбивная. Лица нет. Приставляю к разбитым, в котлеты, губам флакон с эликсиром Жизни. Глотает.

Левый его глаз заплыл совсем, правый – щёлочка. Вижу, изменился взгляд – узнал. Начинаю работать. Блокирую боль, без мультиков обойдётся. Промываю раны креплёным перегонным вином, свожу края, заливаю Мёртвой водой, Печать, эликсир Жизни.

Появляется рука, начинает помогать. Пятый. Правой рукой прижимает свой бок, левой – помогает. На четвереньках приползает Молот и падает лицом в землю. Дал обоим по глотку элексира Жизни. Остался глоток. Затыкаю пробку – ещё не вечер.

– А Киса? – сипит Пятый.

– Киса – тю-тю, – мотаю головой, – нет больше Кисы. То, что сами живы – уже чудо! Посмотри вокруг – одни мёртвые.

– Может, не все?

Пожимаю плечами, скривился от боли. В четыре руки – две моих и по одной парней – вырвали копьё, которым наш здоровяк был прибит к земле. Сначала вырвали копьё из

земли, вместе с раненым, потом срубили копьё, протолкнули обрубок древка полностью в рану, выдернули с той стороны. Обратно и зазубрины не дадут, да и зачем ему грязь в ране? Заштопали Корка. Снимаю блокировку. Его выгибает дугой и начинает бить, как в припадке. Быстро навожу блокировку обратно. Вся боль рухнула на него. Ему и Печать Лечения – как клеймо раскалённого металла. Лечит, но и боль причиняет адскую. Подумал, снял паралич с блокировки. Оставил только отсечение боли. Корк повернулся на бок, стал откашливать кровь.

– Так, парни, – говорю я, – давайте уже собирать манатки свои. Загостились мы на этом празднике жизни. Собираем своё, валим. Вообще – отсюда. Нах их! С их войной!

– Не будем живых искать? – спрашивает Пятый.

Смотрю на него. Надо же, как заново родился. Разговорился. То слова за день не вытянешь, всё так же – жестами общается, будто и не умеет. А тут молвит человеческим голосом. Птичка-говорун.

– Ищем своё. Если находим живых – помогаем.

Своё я нашёл. Скинутый мною плащ, подбитый серым мехом. Рядом моё оружие – булава, топор. Бросаю шлем на плащ. Воткнул копьё в землю с накидкой чёрно-белой. Как флаг. Как обозначение места сбора. И занялся сбором трофеев.

Тут вповалку – кони, люди. Чёрно-белых щупал – живы-нет, но не обыскивал. Обычные наёмники. Собранные не на первый день войны. Читай – голодранцы. А вот кольчужные всадники – рыцари. У них в поясах золото попадалось. Перстни с камешками самоцветными – на пальцах, да цепи антикварные – на шеях. Им это уже ни к чему, а я больше за золото воевать не хочу. Мне оно, золото, нужнее, чем мёртвым.

Мародер позорный! Да! Мародёр! Но мясником быть достало!

Натыкаюсь на рыцаря, с ногой, вывернутой в колене под неестественным углом – не в ту сторону, с пробитым копьём боком и разбитой сильным ударом топора личиной шлема. Почему обратил внимание? Меч. Выдернул я у него из ножен меч. Позарился – больно знатный меч, не хуже того, что я тогда с лича снял. Сделал пару шагов дальше, замер. Меч – неправильный. Длина клинка – за метр, ширина у основания – сантиметров пять, двойной дол, обоюдоострый, прямой, типичный полуторник, но слишком лёгкий. Слишком. И цвет. С зеленовато-синим отливом. Согнул – упруго гнётся, но упрямо выпрямляется, махнул пару раз – пришёл в восторг. Вот это – клинок!

Но такому клинку, как изумруду, нужна оправа. Вернулся за ножнами. И сбрую – заодно. Ну, ни фига себе, фестиваль невиданных трофеев – почти полные флаконы с Мёртвой и Живой водой! Когда снимал сбрую с рыцаря, ворочал его, понял, что он живой. Он застонал.

Подобрал щит с крестом, перевернул рыцаря на щит, лицом вверх. Блокировал боль. С параличом, как обычно. Самая опасная – дыра в боку. Крови натекло – море. Надо в него эликсир влить. Выковыриваю застрявший в шлеме топор, снимаю шлем с головы. Совсем мальчишка. Скула, щека, челюсть – прорублены топором. Лежал бы на спине, как сейчас – захлебнулся бы кровью. Заливая всё Мертвой водой, свожу пальцами плоть, Печать. Склеилось. Засовываю палец в рот, выгребаю грязь с кровью и осколками зубов, щупаю щёку с той стороны – ещё Печать.

Индикатор зарядки мигает. Потянулся к накопителю, автоматически проецируя перед мысленным взором нужные руны – индикатор налился Силой на все деления. Всё. Остальные накопители пусты уже. Я последний месяц Силу сливал не в накопители, а в руны. В людей. Через Печать Лечения.

Открывает глаз. Левый. Через правый топор прошёл. Такой молодой – уже Кутузов – Нельсон.

– Спокойно, мальчик, жить будешь, – говорю ему и приставляю горлышко флакона к губам. Он знает, что это, пьёт.

Теперь можно заняться и его боком. Разрезаю ремни, закатываю кольчугу, разрезаю одежды. Плохо дело. Булатом расширяю рану, ковыряюсь пальцами у него в печени. И как ты ещё не умер? Амулет? Вижу. Поддерживает жизнь. Хороший. Нет, не возьму. Он – привязанный к мальчику. А без амулета парнишка умрёт. А этот, ещё один амулет – как у нас, защитный. Это сколько же ударов ты, юноша, принял, что амулет разрядился?

Вот он! Достал я осколок копья. А вот и кольца разорванные от кольчуги, что забило ударом аж в печень. Заливаю всё Мёртвой водой. Обеззаразит и склеит. Печать. Теперь свожу края раны. Печать. Мёртвую воду. Печать.

Нога. Просто вывих со смещением. Вставляю ногу в сустав. Печать. Снимаю паралич. Блокировку боли оставляю. Помню, как бился от боли Корк. Сама блокировка развеется со временем. Сегодня же. Даю ещё глоток элексира Жизни. Последний из моей склянки. А остатки его эликсира убираю себе на пояс.

– Как твоё имя? – спрашивает. Ну, как спрашивает? Булькает и шипит. Тут я скорее догадался. Хотя эликсир Жизни работает – раны лица стремительно «стареют», заживают.

– Не важно, – улыбаюсь, – живи. Оплату за свою работу я уже взял.

Показываю ему его же меч и пояс со всем, что на нём и в нём было.

– Дед! – слышу крик.

Иду. Стоят трое. Друг за друга держатся. И гора нашего имущества. Как это будем уносить? И бросить жалко. Рубиновая сталь дороже золота.

А с холма спускается поисковая цепь людей. Некоторые – в цветах Дома Лебедя. Понятно, кто победил. А нам что теперь делать? Бежать? Как?

Вижу, как мои соратники облачаются в броню. Да. Примем бой. «Мы принимаем бой!» – кричали они.

Я тоже экипируюсь. Потому как опять слышу голос Олега. Спасибо, брат. Я уже и логически понял, что убивать нас будут.

Свой новый трофей – меч – пристёгиваю поверх своего пояса. Рюкзак – на спину. А сверху – щит. Будет дополнительной подушкой безопасности. Как на корове седло – это я про щит на спине, поверх рюкзака. И рюкзаки они нашли, молодцы, ребята! Успели в лазарет сходить, пока я возился с тем мальчиком?

Иной раз их буквальность – на благо. Сказал – собрать манатки, притащили всё, хотя и еле ковыляют. Но иногда выбешивает. Именно эта их буквальность. И даже палатку нашу приволокли. На ней всё и лежит.

Распиваем эликсир Жизни до дна. Встаём в круг. Смотрю каждому в глаза. Мрачная решимость. Сдаваться в плен им, да и мне, что-то не позволяет. Ладно, я – русский. У нас «Варяг» – всегда гордый и никогда не сдаётся врагу. А они?

А что у нас есть, кроме гордости? Ни дома, ни семей. Потерять ещё и самоуважение – презирать себя за сдачу в плен? Потерять последнее, что осталось – гордость?

Вдруг срабатывает Ниппель. Глядь! Проснулся, поглядите на него! Ну, никакого толка от этого долбаного артефакта! Где ты был, когда нас конницей размазывали по глинозёму тонким слоем? Где ты был, когда умирали Ручей, Дол и Охотники? Почему ты не сработал, когда Маг жизни решил отдать свою жизнь за наши? Обидно – до слёз!

Люди Лебедя остановились на рубеже, что очертил Ниппель. Потыкали копьями. Самострелы у каждого четвёртого.

– Кто вы? – спрашивает какой-то человек, на его груди знак – кузнечик и птица, наверное – лебедь. Одет скромно, без помпезности, но – материалы его одежды – не скромные. Я уже успел понять расценки самым удобным в носке, приятным для тела материям.

– У воспитанных людей принято представляться, – отвечаю. Копьё с засохшей на нём кровью я поднял. Вижу, как Пятый смотрит на груду вещей. Наш самострел – в футляре, разобран.

– Я – Рулевой Дома Лебедя, – говорит человек.

– Я – старик. Водитель собственных пяток и этих вот детей. Что тебе надо, шкипер?

– Мы ищем выживших. И ещё кое-кого, – отвечает Рулевой, и вдруг глаза его застывают на рукояти моего трофейного меча. – Где он? Где тот, кому принадлежит этот меч? – Он так заорал, что его люди пошли в атаку на Ниппель и были, с большим для них уроном, отброшены. Они бы ещё в атаку на дверь банковского сейфа пошли! Носы себе поразбивали да копья поломали.

– Спокойнее, люди. Там лежит мальчик. Он был не против, когда я брал меч.

Рулевой приуныл.

– Верни меч. Это – изумрудная сталь. Реликвия Императорского Дома!

Опа! Ещё одна чудо-сталь. А я-то думаю – что он такой лёгкий?

– Был ваш, стал наш. Пригодится.

– Предлагаю выкупить меч. Пять тысяч золота, старик. Тебе таких денег не потратить.

Ну-ну. Ты кому другому зубы заговаривай. Пять тысяч! Которые я не потрачу! Как только исчезнет этот бракованный, китайский наверное, щит Ниппеля, так сразу – не потрачу золото.

– Тем более, зачем мне деньги, если не смогу потратить? Я клинок меча на бритвы порежу и людям раздам. Бриться будем, – ухмыляюсь я.

Рулевой рассмеялся:

– Ты даже не знаешь, что это такое! Изумрудную сталь нельзя разрезать!

– Как-то его сделали. А что смог один человек, сможет и другой, – говорю.

А мысли в голове – как тот мотоциклист, что под куполом цирка, с рёвом, носятся – выход из замкнутого шара решёток – ищут.

– И у тебя есть дракон? Только огненное дыхание дракона может расплавить изумрудную сталь.

И тут – Ниппель пропал. Твою мать! И опять Олег зовёт! Точно – приплыл старый небесный солдат Мамонт в свою последнюю гавань.

– Серд! – донёсся слабый голос.

Про нас забыли. Все рванули на голос. Как же ты вовремя, мальчик, голос подал! Должок за мной. За лечение – ты мечом расплатился. А за жизнь я должен!

Последний мой прыжок!

– Валим! Валим! – шепчу я, хватаю один угол палатки, с наваленным в неё, как в баул, добром. Ребята вцепились в другие углы. Сто один, сто два, сто три, раскрытие! Щит Воли! Спасай!

– Стой! – кричат нам в спину.

– Валим! Щиты – на спину!

Недалеко появилась какая-то хрень. Синее марево.

– Портал! – кричит тот человек, что обозвался Рулевым. – Не дайте им уйти в портал!

Портал – это круто. Раз они нас не хотят туда пускать, то туда нам и надо, как бы это ни было парадоксально. Как в «Диабло», заходишь в синий овал – ты в городе, где Деккард Каин спрашивает: «Что разгадать?»

Щёлкают самострелы. Удары в спину, боль в районе поясницы.

Вот тебе и Щит Воли! Ну, логично – одно дело, когда стоишь и ждёшь выстрела или удара одного-единственного противника. Когда ты собран, сосредоточен и ждёшь. Другое – стрелы со спины, на бегу, когда ты разбит, опустошён, получил по голове, бежишь через

препятствия тел убитых, запинаясь о них, в связке с ещё тремя ранеными друзьями, не видя дороги, стараясь наступать в шаг с остальными.

Крики парней от боли. Наше добро сыпется с тюка палатки. Смыкаем с Кроком плечи. Стрелы бьют в спину, у меня пробита нога. Сзади, где брони нет. Ещё раз. Нога уже начинает деревенеть. Пятый и Молот ныряют головой вперёд в синее марево. Резко дёргаю свой угол материи – имущество летит в разные стороны, большая часть – в марево. Крок тупит, толкает меня в марево, пытаясь закрыть меня своей широкой спиной. Я – его. Толкаю, запихиваю в портал. Я – старый. Мною можно пожертвовать. Валимся в марево оба, обнявшись. Ещё одна стрела входит мне под правую руку. Под мышку поднятой руки. Туда, где брони нет. Никакой. Больно! И глупо. Убит в спину. Позорней – только плен. Тьма.

Глава 8

Отступление 1

Пратолк сидел со скованными руками на лавке перед большими дверями. Над ним стояли два воина в цветах Императорского Дома с обнажёнными мечами. Пратолк не поднимал головы. Он был разбит, пленён. Теперь ему предстоит суд. Суд Императора.

Наследник погиб в той битве. Кто же знал, что мальчишка лично примчится со своей дружиной, да ещё и лично возглавит атаку Бессмертных? Кто же знал, что всего три ряда выздоравливающих, не оправившихся от ран, воинов, под командой этих странных Игреков смогут так перемолоть тяжёлую ударную конницу Бессмертных? Пратолк своими глазами с вершины холма видел, как конная лава споткнулась, после вспышки, о тонкую полосу копейщиков в этих накидках с крестами. Видел, как захлестнулись фланги конной лавы позади строя Игреков. Как пали стрелки, которых разозлённые всадники рубили вгон. Как бился этот зверолюд со своей приручённой тварью. Огромный, как скала, сильный и быстрый, как демон, кровь которых и бежала в жилах этих порождений Нижнего Мира. Зверолюд крошил своим топором дружину Наследника, вместе с конями, как щенков. И только полностью окружив зверолюда, его смогли убить. В спину. И пронзили копьём уже павшего, как знак торжества.

За это время женщины с крестами на одеждах успели разбежаться. От страха. И это их спасло. Раздосадованные смертью Наследника, его други рубили всех подряд. Только на самой вершине холма безумие отпустило их из своей власти.

Теперь Пратолк жалел, что как раз перед строем его дружины они и одумались. Пратолк предпочёл бы умереть с мечом в руке, чем оказаться перед глазами Лебедя. Но Пратолк был в ответе не за свою голову, а за жизни своих людей. Потому приказал дружине и ставке опустить флаги и сложить оружие. Бой был проигран. Дальнейшее сражение – напрасные жертвы. Война для Пратолка и его полков закончилась. Поражением бесславным.

Суд Лебедя. Друга детства, с которым вместе учились в одном потоке в Университете. Братались, клялись в вечной дружбе и преданности. Но жизнь развела их по разные стороны поля боя. А теперь Пратолк – причина смерти единственного сына и Наследника Императора. Как в глаза Лебедю смотреть?

Двери открылись. Вывели Халлу. Она сама себя назначила Старшей Сестрой выживших Сестёр Красного Креста Милосердия. Так их назвал Игрек, так они сами себя теперь называли. Сама себя назвала – сама же назначила себя ответственной перед Императором. За всех своих Сестёр. За самого Игрека, погибшего под копытами Бессмертных. Её судил Лебедь. И всё их свежеиспечённое братство, хм, Сестёр – в её лице.

Халла была потрясена. Руки её были свободны. Она теребила пергамент. Подошла к Пратолку в сопровождении двух стражей Императорского Дома.

– Господин, ваше высочество, я – в замешательстве, – говорит срывающимся голосом Халла, – Его Императорское Величество велело мне основать Орден милосердия и выделило Удел для постройки Оплота. Как? Что мне делать?

Пратолк тоже удивился. Очень удивился. Орден – организация церковная. Император залез в делянку веры. Ордена – организации, где женщинам просто не было места. А это – женский Орден? Мир – изменился. Рушились вековые устои. Как тут не удивиться?

– Исполняй волю Императора, – сказал Пратолк, – ваша служба мне признана не вредом Дому Лебедя, а пользой Империи. Благодари Императора за милосердие и мудрость. Молись Триединому и всем богам, каких знаешь, за его здоровье и крепость Императорского

Дома, – сказал так, а мысленно – продолжил: «Ибо только от продолжительности жизни Лебедя зависит твоя судьба, женщина. Тебе не простят».

Халла прочла это в его глазах, поклонилась:

– Благодарю вас. Ваша мудрость славится далеко за пределы Дома Лося.

Она ушла. С душевной дрожью Пратолк стал ждать. Он – последний. Всем уже был вынесен приговор. Его сестру ссылали в Чёрное Братство, как и половину его людей. Наёмников заставили подписать договор с Домом Лебедя на год. Без денежного довольствия. Только за стол и кров. Кто отказался – в Чёрное Братство.

Невиданная жестокость. Раньше Чёрное Братство было только добровольным.

И несвященники не основывали Орденов. Женских. Что делает Лебедь? Зачем он разрушает уклад жизни?

И вот теперь – время решить его судьбу… Двери открылись, вышвырнув из головы лишние мысли, оставив только тревогу за свою судьбу.

Пратолк вошёл. Император, сильно поседевший и постаревший с их последней встречи, стоял у окна, задумчиво глядя на облака. Время и груз забот никого не красят.

Пратолк так и не понял, зачем Лебедь поднял мятеж против Сокола. В юности наследник Дома Лебедя не был амбициозен. Не понял своего друга Пратолк, не поддержал его самоубийственного мятежа, который неожиданно завершился провозглашением императорским иного Дома, не дома Императорской Крови, не Крови Драконов. Не Дома Сокола и не Дома Дракона. От Драконов вообще никого не осталось. Тогда, при мятеже Лебедя, впервые, дружба их – треснула. Да и сам Лебедь не стал ничего объяснять Пратолку, даже на прямой вопрос. Говорил, что ничего сказать не может. Это была вторая трещина – недоверие со стороны Лебедя и отказ, фактически – предательство Лебедя, со стороны Лося.

И вот они – враги. Очередное предательство. Пратолк пошёл на мятеж за братом. И явился причиной смерти Наследника. Вот так и бывает, усмехнулся горестно Пратолк, самыми лютыми врагами становятся самые близкие. Правду говорил старик Игрек – только враг не может предать.

– Снимите с него оковы, – велел Лебедь.

– Но, ваше… – возмутился старший страж.

– Снимите. Пратолк даст слово, если тебе это нужно. А слово держать этот достойный муж умеет. Это знает вся Империя. Но и без слова он не сможет убить меня. Не сможет. Так, Правый?

– Так, Левый. Я предал лишь несколько раз. И только тебя, моего Императора.

– Да и мятеж для Пратолка уже закончился. Так?

– Мудрость твоя не знает границ, – кивнул Пратолк.

Когда оковы расковали, Император указал Пратолку за стол, где стояла пара подносов с нарезанным тонкими ломтями вяленым пряным мясом, сыром, хлебом, ваза с яблоками. И четыре кубка.

Когда стража, повинуясь жесту Императора, вышла, Пратолк понял, кому ещё кубки. Вошли Сердитый и Мышь. Пратолк их знал столько же, сколько знал и Лебедя. Это – его тени. Они всегда рядом. С рождения Лебедя. Лебедь-отец был мудр – свел сына с нужными спутниками жизни. Свел ещё детей. На будущее.

Сели за стол. Рулевой разлил вино по кубкам.

– Предал меня? Нет, Правый. Не предал. Ты сделал то, что было нужно. Это я предал нашу дружбу, не желая вовлекать тебя, такого чистого, правильного, в этот отстойник навоза, что называется – политикой. А теперь ты по уши в дерьме, как и мы. Добро пожаловать в отхожее место! Садись, пей. Рассказывай, Правый.

– С чего начать? – спросил Пратолк, отпивая вино. Суда не будет?

– С того, кого все называли Игреком… – Император махнул на стол в углу, где были разложены какие-то вещи, пластины доспехов.

– Очень необычный человек, – сказал Пратолк.

– Ты даже не представляешь – насколько, – пробубнил Мышь.

Пратолк стал рассказывать, как этот наёмник со своими племянниками оказался в их городе, как он его нанимал, как странно вел себя Игрек, доводя всех до бешенства, как создавал свой лазарет. Но во всех странностях Игрека Пратолк видел «право», потому попустительствовал, а потом – прямо поддерживал. Игрек ломал привычный уклад жизни. Ломал сильно и жестоко, но Пратолку этот наёмник был как глоток свежего воздуха. Как луч надежды. Пратолк и сейчас говорил путано и страстно, так до конца и сам не разобравшись в своём отношении к этому необычному наёмнику.

Император и его Малый Совет молча слушали и переглядывались. Потом Рулевой кинул Пратолку пластину доспеха.

– Это – рубиновая сталь. Покрашенная серой краской.

– Ого! – удивился Пратолк, – это запасная пластина к их доспехам. Это что, у них вся броня…

– То-то и оно!

Император подошёл к карте, стал пядью мерить свою Империю.

– Да, Мышь! Чутью твоему следовало больше доверять. Но кто же мог знать, что не Император, не Боги, не Пауки, не Демоны, а какой-то старик перевернёт всё с ног на голову и настолько сильно взмутит воду в нашем болоте?!

– А чего я не знаю? – спросил Пратолк.

– Ничего ты не знаешь, тупой праведник. А ты точно это хочешь знать? – спросил мрачно Рулевой.

– Ну, если ты, Левый, не осерчал на меня за смерть своего единственного сына, то мне уже всё едино.

– Не твоя в том вина. А его самого. Мальчишка! Удаль свою проявить решил. Вот пусть теперь ходит хромой да со шрамом, – зло сказал Лебедь.

– Ходит? Так Белый – жив?

– Жив. И спас его как раз этот старик. Ну, не судьба ли? Мы ищем его тут, а он – тут… – ладони Императора хлопают по карте.

– И эта история с Чёрным Братством и Охотниками – он и там побывал, – говорит Мышь, – и эта рубиновая сталь – доказательство. Охотники случайно встретили в Западном Гиблом Лесу Старика и его внуков, случайно наткнулись на шахту, где добывали руду и выплавляли рубиновую сталь. Случайно – Старик учит мага земли лить из рубиновой стали доспехи. Посмотри на них. А вот рисунки доспехов, что мне принесли мои мышки. Это рисовал сам Старик. Посмотри. Видно – это очень продуманные вещи. Или Старик – гений, или это результат работы поколений оружейников и сотен схваток. Ещё острее встаёт вопрос места его происхождения. Нам следует ждать оттуда вторжения тысяч – не стариков, а воинов в доспехах и с оружием, что способно за несколько секунд уничтожить архилича?

Взгляды людей застыли. Мышь отогнал видение, продолжил:

– Случайно они выходят прямо на Чёрную Обитель, и эти бараны с выжженными мозгами нападают на них. Охотники мстят и находят доказательства, что именно Чёрное Братство добывало рубиновую сталь, а появление нового вида твари скверны – Поводыря – их рук дело. Случайно…

– Церковь Триединого и скверна? – Пратолк схватился за сердце. Он теперь точно из этого зала живым не выйдет.

– А про бунт в Западном Порубежье слышал?

– Так из-за этого вы и опозорили мою племянницу, дуру! В тётку пошла. Думает только…

– Правый! Твоя сестра получила то, что заслужила. Старик стал причиной бунта, позора и гибели всего Ордена Иглы. Ордена, Правый! Ордена Иглы – самого тайного и могущественного! И остальным Орденам стало не сладко. Правитель Медная Гора погиб, но его люди сильно обескровили боевые Ордена Триединого. А новых бойцов им набрать – сложно. Хорошие бойцы, что могут стать Паладинами, связывать себя с запятнавшими честь Орденами не хотят. Те Паладины, что уже есть, массово разбегаются. Говорят, в Охотники уходят. И запись в школы Света, впервые с Катаклизма, – меньше, чем мест в школах. Впервые! Было же больше десяти детей – претендентов на место.

– И это всё – Игрек? – удивился Пратолк.

– Так же известный как Андр, Мих, Игрек, Дед, Старик. И… Белая, или Северная Башня, – улыбается Мышь.

Пратолк опять хватается за сердце.

– Белая Башня? Тот самый? Кого искали Сшиватели?

– Тот, тот… – кивает Рулевой, продолжая свой рассказ: – После того, как полыхнуло Порубежье, Старик пропал в Гиблом Лесу. Птахи Мыша нашли следы боёв, жестоких боёв в этом Лесу, убиты Егеря, Паладины, Бродяги. Старик пропал. Он всплыл в той историей с рубиновой сталью. Полыхнула гильдия сильнейших бойцов нашего мира – Охотников. Там, у Охотников, сейчас такая сумятица, такой вихрь, что мои мышки рисунки смогли добыть! Чёрные Оплоты – на осадном положении. Очищенные Чернецы начинают погибать от голода. Старик научил Охотников делать доспехи из стальных досок. Вот таких. Гильдия Охотников могла стать ещё сильнее. И никому – не подконтрольна. Но они ввязались в прямой конфликт с верой. Охотников можно не учитывать. Больше…

Рулевой положил руку на карту, где был уничтоженный Чёрный Оплот, а другую – на Княжество Лося.

– Старик всплывает опять. И в этот раз – опять вмешивается в Игру. В нашу войнушку. Он создаёт из ничего то, чего не было. Этих баб теперь не удержать! Да и дело это – для мира – полезное. Лечить людей. Ну, надо же! Сколько он наворотил! Если бы Старика не было, его надо было бы придумать! Ты говоришь – показательно отказывался убивать людей?

– Говорит: «Враг там. Убивать друг друга – ошибка».

Малый Совет – переглянулись. Рулевой покачал головой:

– Пора заканчивать эту глупую войну. И договариваться с Лосем. Ну, прирезать ему то, что Правый там навоевал.

– Хрен ему на всё лицо! – вскочил Мышь. – Они тогда все начнут бунтовать! Наоборот – отрезать то, что взял Белый, и раздать отличившимся достойным, произведя их в знать, заодно.

Все рассмеялись.

– Создать что-то вроде Порубежных Смотрителей? – задумался Император. – Один город – один Ал? Прослойка между Вепрем и Лосем. Тогда уж, и между Лосем и Куницей. Все города, что были в боях, изъять из владений князей.

– Подорвёшь не только их власть, но и стабильность Империи. Больше уделов – сложнее правление. Вечная тлеющая вражда. Вечная вялотекущая война.

– И Паукам – сложнее, – задумчиво трёт подбородок Мышь. – Одного князя захомутать – не сотню воинов, свежеиспечённых в благородные, у которых из нажитого только – меч, хрен да гордость. А вечное тление – вечный источник воинов. На Порубежье посмотри. Удел Красной Горы – горошина на карте, а Церковь – все зубы сломала, как об алмаз. Сколько бойцов и магов он выставил? Всё мужское население – бойцы. Поголовно.

Рулевой встряхнул головой, продолжил:

– Белого не узнать. Отказывается выходить в свет из мёртвых. Не хочет быть Наследником.

– Пусть, – махнул рукой Император, – на этом тоже можно сыграть. Я сына понимаю. Сам бы тоже хотел бы исчезнуть для всех. Послать бы весь этот… Куда подальше.

Император отвернулся к окну. Пратолк покачал головой. Да, нелёгок венец Императора. Переглянулся Пратолк с Мышем и Рулевым. Сподвижники Лебедя не обратили внимания на слова Императора – видимо, не впервые слышат. Они думали о другом.

– Где теперь всплывёт этот Старик и подпалит нам чердак? – задумчиво говорит Мышь.

– Не знаю, – пожал плечами Рулевой, – я слишком поздно понял, что простой старик и три израненных воина за непреодолимой защитой неизвестного свойства и открывшийся рядом портал – не просто так. Я же говорил с ним – сам не верю в это! Вот так – сотню ночей думал о нём, а встретил – не понял, что это – он. А вот Белых Хвост – сразу понял.

Рулевой опять вздохнул:

– Мои люди нашинковали их стрелами, как ежиков – иголками.

– Ничего ему не будет, – отмахнулся Мышь, – он всю зиму скитался по Гиблому Лесу, погубив этим цвет Орденов Триединого, что все сгинули, пока его искали. Меня больше волнует вопрос, когда Цыплёнок обретёт свою Белую Башню?

Император замер, потом совладал с собой, передёрнул плечами, будто зябко ему стало, повернулся к столу:

– Понимаю теперь Белого. И понимаю теперь твою, Мышь, одержимость этим Пророчеством и этим мальчишкой. Да, Старик сможет и из этого Цыплёнка сделать Обещанного Наследника.

Пратолк схватился за голову и застонал.

– Что? – спрашивает Император, ухмыляясь. – Сдался?

– Да, Левый. Мне страшно стало, – честно ответил Пратолк. – И я ценю, какой груз ты взвалил на себя. Когда ты узнал об этом? Всю эту муть с Пауками? Я про Пауков узнал от Мыша только после моего позорного пленения.

– За месяц до моего бунта, так называемого. Император назначил меня – Узурпатором и Злодеем. Так-то!

– А мне что теперь задумываете? – спросил Пратолк.

– Ну, ввиду обстоятельств твоего участия в гибели моего сына и Наследника престола – будешь сослан в Черное Братство, – ухмыляется Император.

– И для этого мне вы открыли всю подноготную? – удивился Пратолк, а у самого похолодело в животе.

– Ты знаешь, кто такие Пауки, Правый. С ними не получится играть просто. Потому мы и плетём такие кружева, сами превращаясь в пауков, – говорит Император, рука Рулевого ложится на карту. – Охотники уничтожили Оплот, но – погорячились. То, что делали Чёрные Братья – дело для Империи нужное. Ты идёшь Настоятелем как раз в этот Оплот. Нам нужен контроль за рубиновой сталью. Будешь добывать её или нет – видно будет. Главное – эта сталь не должна бесконтрольно гулять по миру. А особенно – не должна достаться Паукам.

– Настоятель Чёрного Оплота – Магистр Разума, не меньше, – возразил Пратолк, – а я, как и ты, бездарь.

– Мы, Император, – Лебедь обвел всех присутствующих рукой, – считаем практику Разумников Черного Братства по вмешательству в разум и сознание людей ущербной, бесчеловечной. Твой Оплот не будет иметь Очищенных. Совсем. Обустраивай дело по своему разумению, но ты должен создать Орден Паладинов, не подконтрольный никому, кроме тебя. Даже неподконтрольный Императору. Если Императором буду не я. Ты должен создать, воспитать и держать наготове воинов не хуже, чем Паладины Орденов. Учиться бою вам будет где – Гиблый Лес под боком. И его – тоже надо вычищать. И должен полностью прервать

добычу рубиновой стали Пауками. Как любит говорить Мышь, несколько дел одним действием. Изгнание Скверны, создание Ордена, добыча рубиновой стали. Ты понял меня, Правый?

– Понял, Левый. Сделаю. Продолжу бой за Мир со Скверной. Ты не забыл. Как мы мечтали?

– Я ничего не забыл. Тебе повезло. Твой враг хотя бы известен. Благословляю тебя на бой, побратим мой, Правый. А ты молись за меня. Мыслью, словом и мечом!

– Мыслью, словом и мечом! – повторили все присутствующие хором, стоя, прижав правые кулаки к сердцу.

Глава 9

Попали мы из боя – в бой. Спас нас Ниппель. Сука своевольная – включается и выключается, когда захочет! Из-за него мы, как куски мяса под шашлыки, нашинкованы стрелами. Но в этот раз вовремя включился. Спас и нас, и двоих наших знакомых – парня, которого в прошлый раз дефектный дешифратор обозвал Оберестом и сильно помолодевшего Мага, что мешком валялся под ногами Обереста, сжимающего обломок меча. Остальные спутники парня уже убиты. А убийцы – старые знакомые, при виде которых у меня у самого зубы стали расти, как у Корка. Паладины. Ненавистное воинство фанатиков! Исламисты-фундаменталисты! Радикалы отмороженные!

Ах, да, самое главное – я жив. Падал в портал без сознания, выпал – в трезвом уме и почти твердой памяти. То, что земля – как палуба корабля, даже скорее, как море – мало, что качается, так ещё и волной идёт, а небо бордовое, – не считается. Считается то, что мы, вчетвером, живы, что я всё ещё удерживаю блок от боли у всех четверых, что я вижу противников и ощущаю свои конечности и Силу.

Паладины и Маги «ловчей команды зондер-сс» – в растерянности. Ни их сталь, ни магия не берут Ниппель. А мы – в паре метров от их гневных морд и разъярённых кричащих ртов – самым наглым образом устроили пикник на обочине: лежим на покрывалке, в беспорядочном хаосе каких-то вещей, и, презирая их могущество, загораем. И на них, таких Великих и Ужасных Гудвинов, – ноль внимания, фунт презрения.

Когда я отдышался, стал раскидываться кругом Силой – Печатями. Но, следуя подсказке Духа – махая руками, как Сим-Салабим, и матом ругаясь на великом и могучем, как Сяски-Масяськи. А пусть голову поломают – вербалист я, мануальщик, ритуалист или, вообще, реликтовый рунный маг. А может, я – экстрасекс с ТНТ?

– Мамонт, а ты совсем не изменился – так же могуч, загадочен и непредсказуем. И всё такой же матершинник.

ЧЁ?! ГЛЯ?! Кто тут по-русски смеет, да ещё и голосом моей детской памяти?! Голосом моего друга детства – Олега! Вещего Олега!

– Это ты! Убью суку! – кричу я ему. Но даже не поднимаюсь с позы пикника – на боку, левом, на локте. Потому как под правой рукой и в спине – стрелы. Правую закинул за голову – так меньше мутит.

– Наконец-то, Саня! – говорит мне Олег – тот самый Маг, что довольно удачно прикидывался мешком у ног Обереста.

– Пошёл ты! Сука! ТЫ МЕНЯ БРОСИЛ! Я – всю жизнь – один! Пошёл ты! – кричу я.

Но даже не пытаюсь встать, продолжаю кидать Печати в своих мальчиков. Потому как Олег, какую бы дикую смесь радости и злости я ни испытывал, не опасен. А вот эти лицемеры, что прикидываются борцами с Мраком, но почему-то убивают не тварей, а людей, – опасны. И нам предстоит бой. Опять – бой.

– Пятый, тупая баранья башка! Куда ты грабли тянешь? Арбалет хватай! Спецболты заряжай!

Эту невообразамую смесь местного языка и матерной непереводимости понимают только Пятый и Олег. Пятый привык, молодой гибкий разум, которому едино неважно, какой язык осваивать, Олег – владеет не хуже. Из нематерного, но русского – арбалет и спецболт. Но и это Пятый понял. Я постоянно ошибаюсь и местный самострел называю земным арбалетом. Без перевода. А слово «спецболт» просто не переводится. Дешифратор дефектный. Ну, как те человекоподобные, что придумали мем «надмозги» и «потрачено».

Паладины нервничают. Опять атакуют. Магией и сталью. Ну-ну. Одно худо будет – Ниппель может в любой момент опять схлопнуться.

– Мальчик мой, дорогой, – спрашиваю я Обереста, – ты что собрался этим огрызком делать? Побриться перед смертью? Поди до мине, я тебе чупу-чупс принёс. Иди-иди! Видишь, дедушка совсем старый стал. Поясницу разбило, ноги не ходят. Давление прыгает. Вот от этой стрелы. Да что за дети тупые пошли! Я на мече лежу! Вынимай, всё одно мне им – не с руки!

Ну, вот. На что-то похоже. Бойцы наши выстраиваются для атаки. Паладины – трое – встали в защитную стойку, прикрывая двух Магов.

– Готовы? – спрашиваю. Готовы.

Сотворяю шар СШГ, рукой направляю его.

Реньше я махал руками, колдуя для маскировки, пока однажды не заметил, что мячик волшебной петарды от этого летит быстрее и точнее. Как будто пасы руками его, и правда, ускоряют и направляют. Дух говорил, что это самообман самовнушения, не знаю, может и так, но продолжаю и теперь махать и материться, как тот электрик, летящий со столба после удара током. Такой вот тайный магический у меня язык. Великий и могучий.

Для пропитанных Силой Света Триединого Паладинов мой шар – что китайская петарда. Но, когда у тебя напротив лица на Магическом Щите взрывается такая петарда, вспышка и взрыв – вполне реальные, физические, слепят и оглушают. Саму взрывную волну магические барьеры – не пропустили, но вот почти безобидные вспышки и грохот – прошли. Небольшое оглушение. Не больше. Но один из самонадеянных Паладинов валится вперёд со стрелой в глазу.

– Сукин сын! Пятый! Ты забыл? Главное правило снайпера? Командиров и тяжёлое оружие! Командира и Магов! – ору я.

– Это, гля, командир был! – визжит Пятый, снова взводя арбалет.

Троица – Крок, Молот и Оберест – идут на двух Паладинов сомкнутым строем щитов. Перед самой границей Ниппеля Пятый попадает стрелой, игнорирующей магию, в Мага воздуха, что долбил в Ниппель вервистыми Молниями.

Ребята шагают за Ниппель. Единственное, что могу сделать – опять взрываю петарду перед глазами Паладинов и надвигаю на ребят свой Щит Воли. Короткая сшибка.

Маг Паладинов бежит. Сначала пропал и появился шагах в пятидесяти дальше. Телепортнулся! А теперь просто бежит. Блин, никак не привыкну, что в этом Мире – Магия! Каждый раз – офигеваю!

– Пятый! – кричу в спину мальчишке, что подорвался догонять с метательным топором и взведённым самострелом в руках. – Стой, дурилка!

А больше – некому. Три моих мальчика так и сидят в обнимку с Паладинами. Друг друга обняв смертельными объятьями.

Олег стонет и откидывается, закатив глаза. Готов. Он тоже держал над парнями Щит.

Не верю своим глазам – барахтаются все трое. Ползут ко мне. А у меня индикатор мигает. Батарейка пуста. И флакон Жизни выхлебали. Отдаю Мёртвую воду. Сами. Я уже мало что вижу – Мир сжимается до овечьей шкурки. А потом – до глаза этой самой овцы. Они сами прикладывают мою руку к своим ранам. Печать. Печать. Пустым магическим накопителем. Жизненной силой, силой воли – Печать!

В этот раз проваливаюсь во мрак без единого озарения. Осечка. Бывает.

Глава 10

– Как они вас нашли? – спрашиваю.

Я, получается, вдруг стал старшим в этом детском саду. Даже Олег – друг моего детства – выглядит на двадцать – двадцать семь, не больше, гад! Лежим рядом, смотрим в небо. Заряжаем батарейки магией, сняв маскировку ауры – Скрыт.

– Я виноват, – говорит он, – попросил о помощи старого друга, Мага жизни. Никак не хотел верить, что он предаст.

– Предаст, не предаст, или вообще – передаст заднеприводный, – качаю я головой, – у него могла быть безвыходность. Взяли в заложники родных – куда он денется? Да и просто – магов жизни раз, два и обчёлся. Что поставить вокруг наблюдателей?

– Ты изменился, Саша, – качает головой Олег.

– Изменишься тут. Я, Олежек, как бы бандитом стал. А быть бандитом и жить, при этом дома – ночевать – надо покрутиться. Ну, ты помнишь фундаментальную фразочку Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме»?

– Нет. Не помню. До сих пор не верю, что Союза – нет.

– Нет, Олег. Много чего нет. Сначала не стало тебя. Потом – страны. А потом – вообще ничего не стало. Ни работы, ни порядка. Потом погиб сын, ушла жена. И-и-ех-х!

Махнул левой рукой. Из-под правой стрелу ещё не вынимал. А вот с поясницы – вынули. Стрела пробила магический щит и простой щит, пробила кольчугу, но в тело вошла на пару сантиметров только. Вынули, залили Мёртвой водой. А вот в ноге стрелы и в боку – серьёзнее. Как появится Сила – займусь. Пока на блокировке боли.

– Олег! Да ну его всё в баню! – говорю. – Не наша головная боль – Союз. Жизнь прожита – как проклятье. Что ни делал, всё получалось, как в том анекдоте: «Хотели – как лучше, а получилось – как всегда». Да я и сам виноват. Хотел, как лучше – для меня. Жену – красавицу, жизнь – богатую и красивую. А надо было хотеть жизнь – правильную. Уважение и страх в глазах людей – хотел. Амбиции потешить. Эго своё потешить. Быть альфа-самцом. А было – ненависть и презрение в глазах людей. Потому как – не был я человеком. Бандитом я стал. И кулаком. Так-то. Хотел, чтобы дети мозги не насиловали. Самоустранился я от воспитания детей. А получилось, что жена за измены ненавидела. Сын отрёкся фактически, дочь меня же и заказала. Наняла убийцу, чтобы бизнес мой забрать.

Смотрит на меня внимательно. Олег – Маг Разума. Взгляд такой – особенный. Не как у того Олега, которого я знал, а как у матёрого волкодава-следака. Психолога-практика. Я усмехнулся. Я в некотором роде – тоже психолог. Пришлось научиться, чтобы не быть лохом. Вести людей, делать «бизнес», не владея психологией, – ошибка. Людей надо «видеть насквозь» – тогда не получишь заговор и нож в спину. А теперь я ещё и Маг Разума. Не получится у тебя, дружище, мною манипулировать. Не получится.

– И, знаешь, – продолжаю я, отталкивая ментальное «давление» Олега, – в этом мире не наладилось. Куда ни приду – горы бед на людей обрушиваются. Как ходячее проклятие. Там, где мы встретились – Крестовый поход Орденов местного бога на местных же жителей. Тут пересёкся с Охотниками – они тоже теперь в подполье ушли, изгоями стали, сепаратистами-партизанами. Вот, к Лосям нанялся – в пух и прах их разгромили.

Собираюсь с дыханием. Хорошо, что стрела не в лёгкие вошла, а прошла вдоль рёбер и, пробив мясо на груди, упёрлась в броню изнутри. Кровь остановили, боль блокирована, но мутит. Отдышался, продолжил:

– Я к чему всё это тебе говорю? Чувствую же, начнёшь меня агитировать – Родину любить. Только – знаю я про ваше пророчество. И говорю тебе – пошёл ты! Подальше. От меня. Пока за вами не стали гоняться все, у кого есть хоть сколько-то мозгов и хоть чуть –

амбиций и власти. И так – команды ликвидаторов по мою и ваши души с радостным визгом сольются в едином порыве. Что так смотришь? Ты видел, как обрадовался твой воспитанник этому зелёному клинку? А я только сейчас узнал, что это был сын Императора. Он теперь инвалид. Как ты думаешь – Император простит мне? Или тоже сформирует команду убийц?

Молчит. Упрямый? Ну, слушай тогда:

– А вот это – Молот. Был простым сыном сельского кузнеца. Из-за меня религиозные фанатики убили его отца. И мать – вон того, шустрого, мальчика, что сверкает Тьмой в ауре. Он теперь не ребёнок – убийца. Такой судьбы они хотели? Драться до смерти по три раза на дню? Помирать изгоями? А, Олег? У безымянного посёлка, на безымянной высоте?

Смотрю на Обереста, что вместе с Пятым за ноги волокли «телепортера». Пятый догнал-таки да ещё и убил Мага! Молодец! И Оберест – молодец. Паладин его клинком насквозь пробил, а он – трупы таскает. Нет бы, как Молот и Крок, без сознания позагорать. Показываю на Обереста:

– Тебе парня не жалко? Не пытайся воздействовать на меня! Я – не дамся! А ты думаешь, я вашу игру не просчитал? А, Хранители? Вы зачем щенка подставили? На убой?

– Почему ты решил, что мы его подставили? А? Ты что из меня чёрта лысого лепишь, Саня?

– Кто придумал это долбаное пророчество?

– Почём мне знать? Я о нём узнал, когда меня Император Сокол уже уговорил на этот пост, к малышу – Пестуном. Когда уже привязался к мальчику.

– Ты мне ещё скажи, что Чеса – Чистильщика Медвила и Клема – не знал.

– Знал. Чес – мой учитель Разума. Я у него в Университете учился. Клема мне он и представил. Уже в Медвиле. Как раз перед выходом на дело. Мы туда и попали – за одной штукой.

– Знаю я про штуку вашу. Не надо играть со мной, Олежек!

– Какой ты стал, Мамонт!

– Стал! Станешь тут с вами!

– Мамонт! Ты чего тут рассопливился, как девица-гувернантка? – Олег приподнимается и нависает надо мной, сжигая гневным взглядом. – Соберись, тряпка! Разнылся тут – жизнь тяжёлая? А мне каково было оказаться в чужом мире – раненому, не зная языка, голому? Не как тебе – экипированному и вооружённому? А? Не хочет он в пророчествах участвовать! Не хочешь – иди н-нах! Застрелись! Уйди подальше, чтоб дети не видели – да вскройся!

Олег откинулся на спину. Продолжил:

– Не хочет! А кто меня спрашивал? Я в Мире вообще с самого начала начинал! С рабства! Что ты мне гниль лепишь? Я подставил Ястреба? Пошёл ты! Я привязался к парню, а последнее время только и успеваем – ноги выдёргивать из медвежьих капканов! Нас кто спросил – хотим мы? Или нет? Непонятно было вообще – почему всех собак на парня спустили? Мы только в Медвиле у Провидца, которого ты знаешь как Чес, узнали, что Ястреба стали считать Обещанным Наследником. А к кому мне идти, кроме Всевидящего Ока? Парня стали толкать на бунт так явно и грубо, что мы сбежали. А что происходит, что за хрень творится, почему Лебедь стал, как Сокол, играть в игры запутанные – не понятно. Надо было с кем-нибудь посоветоваться. А Провидец – мог помочь. Только – он всё усложнил. Чес много чего говорил. Про пророчество, про гниль, что съедает тело Церкви. Но, как и ты, я не верю в пророчество. Чес предложил проверить: если Утерянный Венок признает Ястреба как кровь Последнего Императора, то так оно и есть. Откуда нам было знать, что Изгой переродился в старшего лича?

– А я как там оказался? – спрашиваю.

– Знаешь, Санёк, я часто тебя вспоминал. Очень часто. Не было у меня никого, кроме тебя. Мы же с тобой как две половинки одного человека были. Как братья – двойняшки. Потому остервенело учился магии, как услышал, что Маг может открыть портал меж мирами. В своих скитаниях я всё же нашёл амулет портала. Но активировать его может только Маг. Не ниже Мастера объёмом потенциала. А переход между мирами – только Повелитель Магии. А я Магистром только тогда стал. Но я упорно искал способ вернуться домой.

– Домой? Куда, Олежек? Где наш дом? Детский приют? Казарма? Ротная палатка?

– На Землю, Саш, – вздохнул Олег, – на Землю. Привязывался я на тебя. И иногда у меня почти получалось. Я тебя слышал. А ты меня – нет. Но портал не открывался.

– И я тебя слышал, – вздыхаю, – я считал тебя мёртвым. Когда я слышал твой голос, считал его предзнаменованием. И буквально следом приходилось спасать свою шкуру. Постоянно. Вот и последний раз я услышал тебя, когда умирал, от сердца. И вот – я тут. Но там был ещё один товарищ.

Рассказываю ему про старика-гопника, что кровью своей освятил моё оружий, но отжал мобилу.

Вся наша честная компания собралась вокруг, глазами хлопают, рты разинули. Даже Крок и Молот перестали валяться чурбаками – слушают, как рыбы об лёд. Потому как чуют, что о чём-то важном говорим, но о чём – не втыкают. Потому как не знают русского.

– И он не верит, – усмехаясь, говорит Олег парню, которого, оказывается, зовут Ястреб, а не Оберест, на местном языке.

– Верю не верю – не важно. Я не избранный. Понятно? – злюсь я.

– Понятно. А я вот, как услышал про зверя с носом до земли и большими ушами, сразу про тебя, Санёк, вспомнил. А как лич Изгоя снёс все мои защиты одним махом, опять попытался открыть портал к тебе. И позвал тебя на помощь. Ты же всегда спасал меня. Раньше.

– И вот я тут. А там я умер. Новая жизнь – старые проблемы. Ладно, успеем ещё наговориться на отвлечённые темы. Не пора ли нам свалить? Не загостились ли мы тут? Рядом с тонной свежего мяса?

– Саш, не спеши. Зачем идти ногами, если есть портал? Тут, недалеко, есть сильный Маг жизни.

– Где нас и ждёт ещё одна команда перехвата.

– Не думаю. О том, что моя бывшая – Маг жизни, мало кто знает. Да и вообще о ней мало кто знает. Она давно уже числится погибшей.

– Так что же ты к левым Магам ходил? А не к ней?

– Мы расстались… не мирно, скажем так. Я же ещё и числюсь её убийцей.

– Вот это Санта-Барбара у вас тут! А ты уверен, что она не прибьёт нас на пороге?

– Не уверен. Но что это изменит? Нам больше некуда идти. Как только соберусь с Силами – перейду к ней. Если и убьёт, то одного. А получится договориться – заберу и вас. Да и по жене я соскучился. Хватит Ваньку валять! Эмоции всё это. Амбиции прищемлённые. На кону встали такие ставки, что не до обид стало! Сказала она! Показала!

Олег перешёл на общий язык:

– Вы пока, ребята, всё ценное соберите. Тела расчлените. Твари их приберут.

– И наших? – спрашивает Ястреб.

– Им уже всё равно. Но расчлените – обязательно. Дать им стать Бродягами – плохая память для наших соратников. Я скоро буду. Надеюсь.

Глава 11

Горы. Впервые в этом Мире я – в горах. Закрытая со всех сторон скалами долина. Этакий затерянный мирок.

Морская волна Потопа через эти скалы, оказалось, не прошла. Да, были многодневные осадки и сопутствующие наводнения. Сёли и грязескальные лавины, камнепады уничтожили прежнюю жизнь и в этой Долине Покоя. Но воды ушли, выжившие люди выкопались из пещер и заново наладили жизнь, создать плодородный слой было легче – почвы были не отравленные солью и Скверной. Потому жизнь Долины хоть и была затворнической, но самодостаточной.

А благодаря тому, что до Катастрофы тут была какая-то Школа магии, были и Маги в Долине. И не мало. Каждый десятый – Одарённый, что уже – невероятная концентрация. Хотя и были Одарённые слабы и неумелы, но их было много.

Ввиду отсутствия врагов и небольшого количества Бродяг – жители Долины жили разбросанно, во множестве небольших посёлков, чтобы не ходить от места работы до жилья далеко. Был и свой город, выполняющий привычную по Земле функцию – административно-торговую.

Бывшая жена Олега, представившаяся Ольгой (явно имя взяла уже после свадьбы, в честь Олега), была строгой, но миловидной женщиной, тридцати лет на вид, степенной и важной. Как и положено знахарке целого поселения.

Местные угрюмые жители были с нами неприветливы, но и не кидались на нас в драку, чего уже – достаточно.

Хозяйство Ольга имела немалое – большое подворье, домашняя живность, большой огород. И всё это – за высокими каменными заборами. Скалы – рядом, зачем недолговечное дерево на заборы переводить? Дом – тоже каменный, сложенный из больших диких камней, но без раствора. Камни были будто сваркой сварены меж собой. Или сплавлены. Или вдавлены друг в друга, как пластилиновые куски. Магия? А чё бы и нет? Очень разумно, а главное – красиво. Два этажа и ещё помещение в чердаке. Внутри всё одето в дерево. Дерево будто тоже склеено. Красиво. И камни – не давят на психику. Первый этаж, кстати, не жилой. Это – клиника, где Ольга лечит. Тут нас и разместили.

А потом она подошла, заглянула мне в глаза своими серыми озёрами, сказала по-русски:

– Здравствуй. Ты и есть Саня Мамонт?

– Да.

– Олег тебя искал последнюю сотню лет. Раздевайся, буду тебя лечить. Больно не будет. Я тебя усыплю. Сними защиты свои. Не бойся, тебе ничего не угрожает.

– Благодарю. И – я не боюсь.

Если Олег предаст, мне незачем жить.

А глаза я открыл – как новенький. Чувствую себя молодым и здоровым. И – голым. Только разводы засохшей крови на теле да едва заметные шрамы. Качаю головой – опять вспомнил Мага жизни Охотников.

По запаху берёзовых веников нашёл баню. Там – в жаре и клубах пара – Олег. Улыбается. Он знает, что такое баня для нас, сибиряков.

Распаренные и уставшие – пьём травяной взвар, кайфуем. Любуемся закатом светила за клыки скал. Над головой висит и светит артефакт из Солярных Столбов. Подарил я этот светильник магический Оле. Не хочу больше таскать его. Это же – булыжник. Тяжёлый и

места много занимает этот чемодан без ручки. И выкинуть жалко. Возьми, Оля, что нам не гоже.

Хороший чай. Да после бани!

– Почувствовал себя, как дома, в России.

– Да, Ольга переняла многие мои пристрастия. Я в Мире прожил уже лет двадцать, когда встретил её. Она была совсем девочка, только поступившая в Школу. Знаешь, как в книгах. Или в кино. Про любовь. Полюбила меня, а я – её. А я ждал её ещё десять лет. И прожили вместе – сорок.

– Ты говорил, что расстались вы нехорошо.

– Я убил её. При свидетелях. Чистильщики нашли в ней Тьму. Я не отдал её им. Сам убил. Все это они – видели. А сам унёс её сюда. Порталом.

Я потряс головой. Олег усмехнулся:

– Они не знают нашего кинематографа, Санёк. Я – Повелитель разума и Мастер иллюзий, она – Повелитель жизни. Я её убил. Почти. Всё было – разрубленная грудная клетка, остановка сердца, море крови, крики, сопли. Всё по Станиславскому. Чтобы поверили. Мне они, конечно, не простили.

– А Тьма?

– А Тьма – есть. Её полно. Особенно в телах тех Клириков. Я их тоже убил. Но совсем. По одному и тайком. Но они – догадались. И убили всех наших детей, их детей, наших внуков. Слишком поздно я понял, что им хватит на это наглости. А потом и меня они убили. Почти. Ольга меня спасла. Так вот и живём, делая вид, что мы – не мы. Да и мы – уже – не мы! А детей она мне не простила. И я себе не простил.

Олег повесил голову, горестно повторив:

– Мы – не мы.

– Прости.

– Не за что. Давно это было. Десяток лет уже прошло. Всё выгорело. Дотла. Настолько, что без скрипа зубов смотрю на церковников.

– Погоди, что-то я не догнал – двадцать, десять, сорок, ещё десяток? А Оля вообще ляпнула, что ты меня сотню лет ищешь.

Олег рассмеялся:

– Да-да, Санёк. Время тут – не как на Земле. Там – год, тут – несколько. Если не десятков лет. А я – Маг. И жена у меня – Мать жизни. Мы – не стареем, Саня. Ни один Маг не умирал своей смертью, пока не влезли церковники. Или мы не знали таких. До Катастрофы – ни одного свидетельства обычной смерти Мага. Маги погибали. Но не старели.

– А Чес?

– Теперь всё иначе. Чес не хотел показать своим коллегам, что знает Магов жизни, не хотел вывести их на нас. Потому – старел. Церковь продление жизни считает тёмным ритуалом.

– Так вот какая тьма была в твоей жене!

– Была. И есть. И вообще – мы сейчас на Землях Тёмных Владык.

Я выругался, схватился за голову, застонал. Потом от души послал Олега. А тот лишь усмехнулся:

– Запутался? Да, забей! Может, самогоночки? У меня получается чистейший первач. Почти без запаха сивухи.

– Муля хочет водочки? – спрашиваю я.

Оба смеёмся. А пошло оно всё – Тёмные, Светлые, твари и Святоши. Если рядом – друг, ты – в его доме. И сегодня тебя не будут убивать. Пошло оно всё! Нажраться с другом – святое! Богоугодное дело.

Мы прожили в этой Долине несколько недель. Несколько недель отпуска в раю.

С большим удовольствием я копался в огороде, чистил навоз из-под скотины, занимался мелким бытовым ремонтом.

Мы ходили на охоту на горных баранов. А убили – снежного барса. Правда, он был изменён Скверной – был огромен и страшен, как наша Киса, но, в отличие от Кисы, кинулся – сразу, зарвав Корка, что перехватил хищника, встав между нами и тварью. Потом бегом бежали обратно, тащили задушенного Барса и Корка к Ольге. Мясо хищника я очистил от Скверны (я теперь умею), отдали местным охотникам. Они скормят его своим овчаркам. А Корка Оля до утра уже восстановила. Шкура Барса украсила стену в нашей обители.

Долго и с удовольствием работали в кузне. Металла мы с собой принесли много – с убитых спутников Олега и Паладинов. И металл – хорошего качества. Рубиновую сталь поделили по-братски, а не поровну – Ястребу достались только запасные детали. Мы не хвалились, что сталь эта рубиновая. А Олег вообще от доспеха отказался. Говорит, что он ему только мешает колдовать. Он же – Маг, ёпта, не то что я – не Клирик, не Разумник, не Маг земли, не воин. Так, с миру по нитке – готов «Великий и Ужасный Гудвин».

Ну, а что не ковать? Если я и Молот – кузнецы, Корк – прирождённый гидравлический молот? Уголь в скалах добывают. Прямо тут, в Долине. Не Кузбасс, конечно, но по мере необходимости к выходу угольного пласта все ходят с мешками. А местный Маг воздуха, живущий через дом, не отказался поработать мехами за один из амулетов Мага воздуха Паладинов.

У меня серьёзно продвинулось умение Клема – зачаровывать металл. Раньше я только смутно ощущал, что он что-то делает, а теперь я точно знаю, что без Клема я это не освою. Большой прогресс!

И всё же – обеспечили мы себя всем необходимым, а потом ещё и местным четыре топора сковали. Обычных, привычных мне, столярных. А что не отблагодарить местных, если хорошая сталь осталась? Из остатков и выковали. Выкинуть – жалко. Оставить – заржавеет.

А вот себе! Ну, для начала – была починена вся наша броня. Доспехи, щлемы выправлены, пробитые места заварены, кольчуги починены, оружие выправлено, отбито и заточено.

Из полных обновок – я остался без палицы. Но стал мечником. Убедили меня, что меч универсальнее палицы. Убедили. А Ястреб взялся подучить нас фехтованию мечами.

Итак, меч. За основу был взят неплохой полуторник одного из Паладинов. Сталь – хорошая. Лучший меч из всех трофеев. Расковываю палицу в полосу, клинок меча Паладина – в другую полосу, свариваю их вместе, раскаляю, свиваю винтом, расковываю, складываю, проковываю, ещё складываю, опять Корк их кузнечным молотом сваривает. И так – много раз. Многократное скручивание и складывание с кузнечной сваркой слоёв разносортной стали. Так и получается знаменитый узор сварной многослойной стали. У меня – слоёный пирог хорошей стали, поющей, твердой, но гибкой, и – стали с кровью Старика, более мягкой, но гибкой.

Меч имеет длину типичного полуторника. Для местных. Я – высокий. Выше всех, кого встречал в этом Мире. Но и мне – тоже длинный меч. Но сделали не типичный бастард – клинок слегка изогнут и более широк к концу, чем должен быть у прямого меча. С хорошо заметной рубяще-секущей частью. Ещё не сабля, но всё ещё меч. По мотивам меча Дола Клинка, Мастера-Охотника. Очень уж мне приглянулся клинок Дола, запомнился.

К сожалению, не знаю, как это называлось у нас на Земле. Может, палаш? Так он же – односторонний и короткий был. Если не ошибаюсь. А у меня – заточка двух рабочих сторон. Ястреб это называет изогнутым мечом. Всё же – меч. Ну, да, колоть им можно. А рубить – вообще замечательно. Удар получается пластающе-секущий, быстрый, мощный. То, что

клинок тяжелее собратьев и – намного, будем тренироваться, чтобы рука привыкла, прокачалась.

Оля мне для чего «счётчик пробега» «отмотала» лет на двадцать? А до этого – Старец «отматывал». Так что самочувствие у меня, как у не добежавшего до тридцатника. Почти как у лысого зелёного новобранца. Как у «вьюноши восторженного». Даже стояк по утрам появился! Потому – будем «мыжцу качать». Стану Конаном-Варваром. Так, надо ворот искать. Он же воротом накачал бицуху? Ха-ха!

Этот меч мне должен заменить булаву по её крушащему действию, потому такой тяжёлый. А то, что я не смогу фехтовать полноценно таким мечом, так я не фантазёр, даже с этим клинком сине-зелёным, который я так и не забрал у Ястреба, я не смогу ничего противопоставить не то что Мастеру Клинка, а даже обычному представителю знати, что с детства учится фехтованию. А если так, то не стоит и заморачиваться – будет колюще-режущая рубяще-крушащая булава. Острая со всех сторон. И длинная. Длину клинка подбирали под рост – есть такие методики. Так вот – длинный меч у меня.

Говорят, надо дать имя клинку. Ну, не знаю. Как-то в голову ничего не пришло. Символизм – важен, особенно для мальчиков. Придумаю. Позже. Сейчас только матершинная фаллическая пошлость ассоциативная в голову лезет. У молодости есть свои недостатки. Озабоченные недостатки. Других забот полно, чтобы голову забивать этим. Хм, вот не подумал бы, что молодое тело с лицом старика вступит в конфликт с сознанием и жизненными ценностями старика. Бывает же!

Так как Клириков тут не любили, а последователи Триединого не любили людей, что жили в Землях Тёмных Владык, то у меня тут образовалось много работы. В связи с уже уверенным наложением Печати Чистоты, что очень хорошо изгоняла Скверну. Намного эффективнее, чем магия других Магов.

Я освятил Храм Матери – на шпиле устремлённой к небу крыши святилища, вместо привычного мне креста, стоит женская фигура, раскинув руки. Как раз – крест. А в Храме – такая же статуя. Половина её – белая, половина – чёрная. Белая половина лица молодой женщины, с ласковым взором и доброй улыбкой половиной губ. Чёрная половина – лицо старухи, с печальным взглядом и горестной миной лица. Мать Жизни. И – Мать Смерти.

С кого лепили статую, легко читается. Белая часть – это лицо молодой Ольги. Черная часть – тоже похожа, но не хочу даже представить себе Олю старухой.

Освещал я и домашние алтари, чистил от Скверны – дома и людей.

Одарённых тут было много, а Магов – не очень. Но нам помогли разобраться с большим количеством бесполезных трофеев – разных амулетов и артефактов. Тут были Маги, что сохранили даже очень старые знания. Одно я не понял – почему молодым Одарённым они не передают опыт? Ну, их, Тёмных, – не поймёшь!

Так вот, очень многие наши трофеи были распознаны, была определена их суть и ценность. Или – бесполезность. Для нас. Очень многое мы просто отдали нашей хозяйке – на хранение и использование. Таскать с собой всё это было влом, а продавать – палево. Особенно вещи Паладинов или рыцарей Наследника. Зато теперь мы – в амулетах, как Кремлёвская ёлка на Новый год! А Ольга – найдёт применение бесполезным для нас или двойным-тройным комплектам. Как ещё отблагодарить её за жизнь и молодость? Золотом? Самому стрёмно.

Глава 12

А вечерами – собирались на посиделки за чаем. С беседами «ни о чём». С мечтами на будущее. Ну, а как ещё назвать «наполеоновские» планы Ястреба? Императором он решил стать! Ха-ха. Три раза. Только, блин, не смешно ни фига! Забил бы на Ястреба и его планы, только…

Только вот, всё чаще ловлю взгляды Олега, ловлю себя на том, что так же, с тоской, смотрю по сторонам. Вижу полный скорби взгляд Ольги, когда она смотрела на вновь помолодевшего Олега.

– Ты тоже почувствовал? – спросил Олег украдкой.

– Отпуск заканчивается? – киваю я.

– Веришь ты или нет, но нас будет силой толкать по Пути. А будем сопротивляться – ломать, – говорит Олег.

– Не верю я в это. А вот в то, что загостились – точно. Тут очень хорошо, в этой твоей Долине. Не хотелось бы, чтобы орды фанатиков Триединого тут появились.

– Мать – тоже воплощение Триединого, – садится рядом с Олегом его супруга. – А Долина – не его, а моя. Я тут – Мать Жизни и Смерти.

– Я не верю в богов, – качаю головой я.

– Даже будучи лично с ними знакомым? – удивляется Оля.

– Тем более. Если они так всемогущи, зачем им я? А? То-то. Не надо мне сейчас ничего говорить. Это – просто. Сиди на заднице ровно, да богам молись. Только меня да и тебя, Олежка, воспитали в духе «На Бога надейся, а сам – не плошай!» Так? То-то! Если бы боги, тот же Триединый ваш, был бы настолько всемогущ – явился бы сюда да и дал бы мне в лоб, чтобы не кочевряжился. А? Где? Кто? Нет никого. Так что – засуньте своих богов себе в алтари, пророчество – в толчок. И вперёд! К светлому будущему Тёмных Владык! Даёшь пятилетку в три года! Копаем отсюда – до обеда!

Олег смеялся так, что чуть на пол не упал. До слёз.

– Что будем делать с пророчеством? – спрашивает он, вытирая слёзы.

– А тебе не кажется, что ты – наглец? – спрашиваю в ответ. – Не слишком ли самонадеянно – что ТЫ будешь делать с пророчеством? Если пророчество – правда и прав ты, то это оно будет «делать» с тобой. Всё, что ему надо. А если прав я, то пророчество это – элемент управления системой. А мы, подчиняясь ему, – чьи-то марионетки. Куклы. Кому-то нужен был расколбас в Светлой Империи, они сочиняют долгоиграющую программу дестабилизации – Пророчество. Назначают виновного. И – крайнего. Половина людей – за избранного, половина – против. А некоторые, под шумок, делают свои дела. А там, глядь – нет Империи. Есть куча Владык, что увлечённо режут друг друга.

Муж с женой переглянулись. Олег покачал головой:

– Эко тебя в той жизни приложило!

– Рецепт – старый. Жанну д’Арк вспомни. Я когда её историю ещё раз просмотрел, будучи уже далеко не мальчиком, ох, и удивился я! Как раз Люда Ёвович в том кино снялась, из-за неё и стал смотреть старую, замыленную сказку. А увидел всё иначе, чем раньше. Вроде всё – понятно. Англия воюет с Францией. На территории Франции. И это – не оккупация. А что это? Не знаю. Англичане и французы свободно общаются между собой. Языковой проблемы «моя твоя – не понимай» – нет как-то. Говорят, что французы многие служили англичанам. Ну, бывает. Только Нормандия – это Франция. А норманны, что оттуда пришли, завоевали Англию. Французы убивали Робина Гуда. Бред. А вот если такой вариант – не было Англии и Франции? Одна страна, один народ, один язык. А? Тогда стало логично?

Но кто-то придумал Пророчество про Деву. Дева Жанна поверила. И аля-улю, гони гусей – Франция и Англия разведены. Да будет война на сто лет! Так и назвали – Столетняя.

Супруги опять перглянулись.

– Ты просмотрел «Матрицу»? – опять спрашиваю я.

Олег – кивнул. Он – Разумник, я – Разумник. Я – сумел мои воспоминания фильма выделить в отдельный файл, Олег перекачал по своему магическому аналогу «Wi-Fi». А так как он – Иллюзионист, то фильм посмотрели все на магическом проекторе. С элементами 3D.

– Нео – не первый избранный – раз. Людей спасать от машин не надо было – два. Машины обеспечивали выживание вида человеческого. А город Зион – отстойник бракованных экземпляров, что дестабилизировали систему и системой же, не способной убивать не угрожающих ей людей, удалялись из системы, отторгались во внешний мир. Машины прекрасно знали, всегда знали, где Зион. Всегда могли его уничтожить. И перезапустить процесс. А вся эта история с Избранным – не более чем авантюра программы под названием «Пифия» по собственному кадровому росту в корпоративной структуре Архитектора. В конце фильма она добилась своего – оказалась по правую руку Архитектора. А Нео – расходный материал. Ястреб – расходный материал. Я, Мамонт – расходный материал. Я повезу на горбу парня к его гибели во имя целей неведомых манипуляторов, а, Олежек?

– Это так, если считать пророчество делом рук людей. А если это божий промысел? – спрашивает Оля.

– А что это меняет? Те, кого ты считаешь богами, не могут быть кукловодами? А мы – игрушками в их руках? Кем был главный процессор – Архитектор, с точки зрения людей, подключенных, да и не подключенных к Матрице? Богом Всемогущим? А Пифия, за счёт Нео и обманщика Морфиуса-Героиныча – стала из рядовой подпрограммы интуитивного и – случайного, выбора числа с плавающей точкой – встала в один ряд с богами-олимпийцами. Кто за наш счёт хочет изменить положение вещей? А, Олежек? Оля, не смотри на небо, небо – пустота. Бескрайняя. Беспредельная. Вакуум. Где нет ничего.

– И что ты предлагаешь, Саша? – спросил Олег, искоса зыркнув на Олю. Подкаблучник. Везунчик!

– Жить. Не строить грандиозных планов. Просто жить. Не ради богов, не ради кукловодов. А ради себя и тех, кто нам дорог. Да, Оля?

– И покидать тех, кто нам дорог, потому что они дороги нам, – отвечает Олег, смотря в пустоту за моим плечом.

Я невольно обернулся – ничего. Ольга вцепилась в руку Олега. В глазах – боль. Я вздохнул, допил чай и пошёл собираться в дорогу.

Если нас преследуют, то все, кто к нам привяжется, попадают под удар. В бесчеловечности и безумии наших врагов я уже убедился. Потому

Наш ковер – цветочная поляна,
Наши стены – сосны великаны,
Наша крыша – небо голубое,
Наше горе – жить такой судьбою!

Надо собирать тревожный чемоданчик. Посмотрелся в зеркало. На меня смотрел я же, такой же белый, но сорокалетний. Поклон до земли Ольге. Хоть и седой, со старыми глазами разочарованного человека, но ещё полон сил и решимости:

– На-ко-ся! Выкуси! – показал я комбинацию из сложенных рук небу, ударив кулаком по сгибу локтя. Это амеры палец оттопыривают. Мы – люди масштаба. У нас – так королеву. Воевать – так с Наполеоном. Потому – по локоть! Со всей широтой нашей непостижимой души!

А что не выёживаться? Богоборца из себя не кочевряжить? Мне Старец, кем бы он ни был, сказал, чтобы я следовал «зову сердца». Вот, в «сердцах» и выёживаюсь. Разрешили. Если Старец не сам тут дерьмо разгребает, а меня подтянул, то идите вы все лесом! Мне виднее, как чистить эти агниевые конюшни. Лопатой или Керхлер изобрести.

И не думаю я, тем самым «сердцем», что пониже поясничного столба залегает, чую, что задача моя – сложнее, чем за шиворот, как щенка, притащить Ястреба в тронный зал и усадить в кресло. Много сложнее. Просто возвести мальчишку в императоры сложно, но – прямолинейно. Прямые ходы в кино хороши. Потому как за полтора часа сложных комбинаций не покажешь, народ притомится. А жизнь не любит простых геометрических фигур. Не любит. Потому – плывём по течению, следуя изгибам штопора поросячего хвостика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.